

Дмитрий Ластов

И НАСТУПАЕТ СЧАСТЬЕ...

Действующие лица:

КОСТЯ, далеко за тридцать лет, полноватый.

ДАША, одноклассница Кости, стройная женщина далеко за тридцать.

ИРИНА ПЕТРОВНА, соседка Кости, за шестьдесят лет.

ДЯДЯ ПЕТЯ, муж Ирины Петровны, за шестьдесят лет.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, чиновница, за пятьдесят лет.

МАРИНА, чиновница, помощница Елены Николаевны.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ, молодой человек, чуть за двадцать лет.

Эта история придумана. Любые упоминания имён и фамилий случайны и не имеют к реальным людям и событиям никакого отношения.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ АВТОРА

sovetika@mail.ru

lastov.ru

(в. 19)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

День. Бедно обставленная комната. Видны прихожая и входная дверь. Стоит старый диван, платяной шкаф, книжный шкаф с незаполненными полками, стол, кресло, стулья. Вся мебель из какой-то уже прошедшей эпохи. Ирина Петровна с ведром воды и тряпкой моет пол. Дядя Петя в прихожей вешает вешалку.

Действие пьесы происходит зимой. Герои пьесы во многих сценах появляются в верхней одежде.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А кран не течёт?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Уже нет.

ИРИНА ПЕТРОВНА. И слив в бачке?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Всё починил.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Они люди психованные, понимаешь?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Это да.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что не так, так бесить его будет.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ну да.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Будет из крана вода капать, а он, возьми, и опять вешаться.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Это да. Эти могут.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А у Кости натура тонкая, нежная, понимаешь?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Понимаю, конечно.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ты хорошо привинтил?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Хорошо.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Петя, а то, что Костя в больнице дал, где?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Карта пластиковая и таблетки, да?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Они. Куда положил?

ДЯДЯ ПЕТЯ. В столе.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Надо отдать ему. А таблетки лучше забрать. Сами ему давать будем. А то глядишь чего... Возьми их.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Это точно.

Дядя Петя достаёт из стола свёрток.

ДЯДЯ ПЕТЯ. А карту на стол?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да, клади. А таблетки мне дай, свёрток этот. Я отнесу его потом.

Дядя Петя даёт Ирине Петровне свёрток, она кладёт его в карман.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А то что неладное будет - не углядим. Я все шкафы тут облазила — все верёвки, шарфы - всё унесла.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Это правильно.

ИРИНА ПЕТРОВНА. И фотографии все убрала. А то вдруг что напомнит, любовь его эту несчастную, как её там?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Катю.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да, да... Будь она неладна. Мать его, всех родных его - всех убрала.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ну да.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Чего из-за этой Кати так убивался?! Эта Катя тут же замуж вышла и упорхнула, и о нём и не вспоминает.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ну да. Так он не только из-за неё... Жизнь не складывалась.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Это да, стихи сейчас никому не нужны, статьи никто не публикует, да и что там у него с этой политикой?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Что-то было.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Посмотри там, на кухне - ножи! Чтобы не было ножей! Я вроде всё унесла. Иди.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Сейчас.

Дядя Петя уходит на кухню, слышится, что он достаёт ложки, вилки.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Парень один остался. Никого. Нина, бедная, умерла. Теперь без матери. А отец уже давно умер. Придёт в пустую квартиру - и никого вокруг, никого. Одна пустота. Вот она жизнь!

Дядя Петя возвращается обратно.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ты о чём тут?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Нет ножей, одни ложки. Ты о чём тут?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Костя один, понимаешь. Никого.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Это да.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Мать умерла давно. Родственники - непонятно какие.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Да нету у него родственников.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Вот-вот... И что бедняге делать!? Как жить?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Да уж.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Он приедет - ты так ласково с ним. Я о своём, а ты о своём поговори. Надо, чтобы он чувствовал, понимаешь?

ДЯДЯ ПЕТЯ. О чём?!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну, мало ли... Ну, может, он мне что не захочет говорить. А ты так разговор заведи. Мало ли... Ты не молчи.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ясно.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А если вдруг он не захочет говорить, так ты не говори. А то начнёшь чего говорить, а он и вешаться пойдёт.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Так мне молчать или говорить?!

ИРИНА ПЕТРОВНА. А ты думай, думай...

ДЯДЯ ПЕТЯ. Сложно всё.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну а как? Слушай, а вот эта девушка сегодня приходила утром, помнишь? Всё расспрашивала нас.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ну...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что она сказала? Я-то похитрее - ушла, а ты с ней долго говорил.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Что одноклассница Кости... что учились вместе.. что искала его.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Въедливая она какая-то, как нас зовут, спросила, всё узнала. Ты думаешь, правда, что она одноклассница Кости?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Вроде.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А то ходят тут всякие. Квартиру у него отберут - и всё. Голову замутят, там...

ДЯДЯ ПЕТЯ. Она денег предлагала же, телефон свой дала. Вроде такая она.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Они все такие. Никому верить нельзя, понимаешь?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Не знаю.

ИРИНА ПЕТРОВНА. И что ты ей сказал?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Сказал, что завтра он выходит из психушки.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Так и сказал, что из психушки?

ДЯДЯ ПЕТЯ. А как!?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну не знаю.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Он же в психушке, значит, оттуда.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Помягче. Он же не псих.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Был бы не психом, там бы не лежал.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Не верю я, что он псих. Не верю. Это всё эти устроили, подставили.

Вот тётка та и устроила из управы! Крутилась тут тогда.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Крутилась одна, помню.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Надо было вмешаться.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Да что уже говорить. Кто знал, что так всё обернётся.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Так, что эта девушка сказала?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Сказала, что приедет.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Зря ты ей сказал, что он завтра выходит.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Почему?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Он и так нервный. А она, ещё неизвестно, что и как.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Уже сказал.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Думать надо, думать, Петя, понимаешь! Думать.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ты всегда такая. Сама бы и разговаривала с ней.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Меня не было. Иди, вылей воду. Чисто вроде.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Чисто.

Дядя Петя берёт ведро и уходит. Слышится звук сливаемой воды.

ИРИНА ПЕТРОВНА. И ведро помой, слышишь.

Ирина Петровна осматривает комнату. Везде чисто. Она довольна.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну и хорошо. Теперь встретим его, и всё будет хорошо.

Дверь открывается и появляются Елена Николаевна и Марина. Ирина Петровна их не видит. Они смотрят на неё и на обстановку в комнате. Молчат и переглядываются.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Это кто, Марина?

МАРИНА. Не знаю.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Женщина, вы кто?

Ирина Петровна слышит голоса, вздрагивает и оборачивается.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. А... Я знаю. Вы тут соседка. А что тут делаете?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Убираюсь.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Зачем? Марина?!

МАРИНА. Что вы здесь делаете? Кто вы такая?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Соседка. В сто шестой живу.

МАРИНА. Паспорт покажите.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Зачем?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ладно, Марин. Только я не пойму, откуда у вас ключи? Здесь же Константин Иванович Белов живёт, так?!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. А вы кто?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Соседка.

МАРИНА. Это мы слышали.

Входит Дядя Петя с ведром.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Так, и ещё один субъект. А вы кто?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Пётр.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Это мой муж.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Интересно! Чужая квартира. Что происходит?

МАРИНА. Объясните, пожалуйста.

ДЯДЯ ПЕТЯ. А вам-то что за дело?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Петя!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ты посмотри!

МАРИНА. Я зам главы управы - Марина Кирилловна. Я ответственная. Здесь живёт психо... неуравновешенный человек. Мы должны контролировать таких людей.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Для вашего же блага.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Стойте. Петь, ты посмотри. Это же та... Помнишь?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Что?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну, это она! Ты посмотри! Вот на эту! (*указывает на Елену Николаевну*)

ДЯДЯ ПЕТЯ. Знакомое что-то. Харя такая знакомая.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Что!?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ты засадила Костю! Я же помню. А сейчас что пришла!?

Ирина Петровна приближается к Елене Николаевне и к Марине.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Отойдите!

МАРИНА. Женщина, женщина!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Жизнь парню испортила, психом сделала!

МАРИНА. Он психом и был.

ИРИНА ПЕТРОВНА. То, что он без матери, то, что он один. Ты же всё подстроила! Ты же...

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Я бы была поаккуратнее на вашем...

ИРИНА ПЕТРОВНА. И ещё пришла. Вынюхиваешь, что и как? Квартиру присмотрела, да!? Не удалось тогда, так сейчас решила!?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Всё же не надо, не надо тут так говорить.

МАРИНА. Женщина, я достаю телефон и всё записываю. Вы разговариваете с представителями власти.

Марина достаёт телефон и начинает снимать Ирину Петровну на видео.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Это вот ты орган власти?!

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ира!

ИРИНА ПЕТРОВНА. А ты посмотри на них. Я всё вспомнила. Помнишь, как эта лахудра тут с ментами ходила, как пакости строчила, как из своей дочурки жертву строила.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Прекратите!

МАРИНА. Хватит нести бред!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Думаешь, никто не знает, чем вы тут промышляете. В соседнем доме одна одинокая умерла - где её квартира? Себе оттяпали. Всё себе. Упыри!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Просто неадекватная женщина.

МАРИНА. Они тут все сумасшедшие.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Думаете, что квартира неприватизированная, так вы её себе... Да?..

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Успокойтесь!

МАРИНА. Женщина, мы ничего не думаем.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ничего, Костя выйдет - мы его в обиду не отдадим. Не отдадим!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Марин, она просто... Они просто хотят себе эту квартиру забрать. Понимаешь, я всё поняла.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Да-да. Я все ваши замыслы поняла. Ну и ну!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Забрать? У Кости!? Это ты сейчас меня обвиняешь, чтобы я у него эту квартиру забрала. Как там тебя зовут? Как?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Елена Николаевна.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Сучка ты, Ленка. У парня больного, одинокого квартиру забрать решила. Дельце очередное состряпать, да! Все же всё про тебя знают!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Что?.. Вы...

МАРИНА. Женщина, уймись. Мы просто осматриваем.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Осматривают тут!

МАРИНА. Может, жалобы какие будут? Может, ещё что?

ИРИНА ПЕТРОВНА. И что!? Что наши жалобы!?

МАРИНА. Будем принимать меры. Может, ему надо жить не здесь, а в специализированном месте.

ИРИНА ПЕТРОВНА. В каком таком месте!?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. В специализированном.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Это вас туда всех надо отправить, поняли!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Она неадекватная. Пошли.

МАРИНА. Я бы на вашем месте так себя не вела.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Мы Костю в обиду не дадим. Вы слышите, не дадим!

МАРИНА. Вы ему никто.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Как никто?!

МАРИНА. А мы - государство!

ДЯДЯ ПЕТЯ. Это вы-то государство!?

МАРИНА. Да, мы.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Петя.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Успокойся.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Петя...

ДЯДЯ ПЕТЯ. Да пошли ты их нафик с их государством!

Дядя Петя подходит ближе к Елене Николаевне и Марине.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Пойдём, Марин.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Не отдам! Слышите, парень хороший. Хороший парень! Он никого не трогал. Никого. Никогда! Он стихи пишет, думает. Вы, вы всё тогда испортили. Всё сделали.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Не надо тут всего этого.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А ты... Как ты по ночам-то спишь? Сколько ты горя людям принесла....

МАРИНА. Потом зайдём. Пойдём, Лен.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Как вас земля носит!?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Оооо!..
ИРИНА ПЕТРОВНА. Идите, идите.

Елена Николаевна и Марина уходят.

МАРИНА. Ничего, ничего. Всё в наших руках. Ты, Лен, успокойся. Мы всё решим.

Дверь закрывается, но Дядя Петя выглядывает и подслушивает.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Вот сволочи!

ДЯДЯ ПЕТЯ. Тише ты. Квартиру у него отобрать хотят. Говорит эта, ну, другая, что устроят они всё: и комиссию, и жалобы, что этой лахудры квартира будет. Давно она её присмотрела.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А я-то не поняла. Понимаешь, мне ещё Зинка говорила, что тут дочка чиновничья живёт... Про её сына что-то. А они уже всё решили. Ты посмотри, вот дела!.. И как быть?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Да ладно, решим. В обиду не дадим.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Может, новый замок вставить?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Вставим.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Надо. И соседей предупрежу, что Костя возвращается.

Ирина Петровна и Дядя Петя собираются уходить.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ведро возьми и дверь закрой. Я пойду к Таньке и к Зинке.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Хорошо.

Ирина Петровна уходит. Дядя Петя выключает свет и закрывает дверь.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вечер. Посреди комнаты стоит Костя. На вешалке висят куртка, шапка. Стоят зимние ботинки. Тускло горит люстра. Костя молчит, осматривается, потом подходит к окну, смотрит в него, открывает окно. На пол падают куски ваты, которой были заткнуты щели в окне. Костя открывает рот и вдыхает воздух. Читает стихи, медленно, вдумчиво.

КОСТЯ. Задумавшись, мы часто смотрим в ночь, как будто мрак ответит на вопросы. Но чуда нет, лишь шелестят берёзы, и темнота не в силах нам помочь. Созвездий цепь — венец далеких звёзд на голове всевидящего Бога. Лишь он один укажет, где дорога, но не для каждого ответ понятен, прост.

Ирина Петровна входит в квартиру и видит Костю у окна. Некоторое время она в нерешительности стоит и смотрит.

КОСТЯ. Мы спотыкаемся, не распознав пути, Бог, видя, как страдают в муках дети, добро, как атмосферу на планете, вдыхает в нас: так хочет всех спасти.

Ирина Петровна подбегает к окну и закрывает его. Собирает упавшую вату, которой были заткнуты щели в окне, Сбранную вату потом кладёт на подоконник.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Простудишься, Костя! Зима, зима на дворе. Смотри, какой холод!

КОСТЯ. Было душно.

ИРИНА ПЕТРОВНА. И смотри, мы утепляли окно, а ты всю вату разбросал. Опять утеплять придётся. Зима же, Костя!

КОСТЯ. Я так.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Стихи. Твои? Хорошие. Я там тебе на столе бумагу, ручки положила. Пиши - не хочу. И стихи, и чего хочешь. А сейчас чуть отдохнешь - и к нам приходи, ужинать будем. А то устал. Что они тебя сегодня, ну, сегодня выпустили?

КОСТЯ. Выпустили.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я хочу сказать, завтра же должны были.

КОСТЯ. Не знаю. Сказали, что сегодня можно.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну и то хорошо. Что там делать? Дома лучше. Дома хорошо.

КОСТЯ. Дома?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да, да, да... А это дом. Твой дом. Вон смотри, все твои вещи лежат. Книги твои. Всё как было, так и осталось. А вот смотри, тут все твои тетрадки. Я их не смотрела, не трогала. Всё просто сложила аккуратно. А вот твоя одежда. Всё как было. Сам всё посмотришь. А это твои поделки, а тут краски твои. Я не стала трогать. Старые они, может, ну, сам решишь. Посмотришь.

КОСТЯ. Да.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну, ты тут смотри всё, отдыхай. А я ужин приготовлю и позову тебя. А? Хорошо? Хорошо?

КОСТЯ. Хорошо.

ИРИНА ПЕТРОВНА. И окно не открывай. Холодно. Ещё заболеть не хватало... А дверь я закрою. У меня ключ есть. Я сама открою. А щеколду дядя Петя снял. Снял её. Ну, я ужин приготовлю - позову тебя.

КОСТЯ. Да.

Ирина Петровна уходит и закрывает дверь. Костя ходит по комнате, встаёт посреди комнаты и смотрит вверх, на люстру, раздвигает руки и так стоит некоторое время. Потом подходит к шкафу, где лежат его записи и тетрадки, достаёт их, рассматривает. Слышится звук открываемого дверного замка. Открывается дверь и входит дядя Петя. У него в руках отвёртка и свёрток ваты.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Я это, Ирина послала меня. Говорит, что ты окно открывал. Надо законопатить. А то ночью, знаешь, какие холода. Ты окно не открывай. Холодно. Форточку на кухне открывай. Я сейчас ватой забью, а потом заклеим.

Дядя Петя принимается за работу — берёт вату и отвёрткой затыкает её в щели.

КОСТЯ. Ничего не поменялось. Всё как раньше.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Как раньше.

КОСТЯ. И всё уже ушло. Безвозвратно.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Что? Я тут не слышу. Что ты сказал?

КОСТЯ. А оно есть? Счастье есть?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Счастье-то, да, есть, конечно, есть.

КОСТЯ. Счастливые люди...

ДЯДЯ ПЕТЯ. И люди счастливые есть.

КОСТЯ. Счастливые...

ДЯДЯ ПЕТЯ. А ты хочешь, расскажи — как там, что там. А не хочешь - не рассказывай. Это как хочешь. Мало ли. Ну, может, что сказать хочешь? У нас что, всё как было, так и есть — без изменений. Ну, школу тут построили рядом. Магазин открыли. Остановку новую сделали. А так, как раньше. Ну, кто-то умер, жильцы новые тут. А так, как раньше. Машка наша с мужем и внучкой уехали, ну, ты это помнишь, давно уже. Там они, где раньше, и живут. В Россию редко ездят. А нас зовут, так мы туда как-то и не хотим. Боимся, что ли. Кошку завели. Вот кошку и балуем. А ты, может, птичку какую заведёшь? Будет чирикать. Или ты тишину любишь. Может, я зря это, ну, зря говорю?

КОСТЯ. Нет, нет...

ДЯДЯ ПЕТЯ. А счастье бывает. Бывает счастье. Как там в песне? Про птицу что-то там пелось, что упорхнёт... А что ты про счастье? А, ну, ладно... Но унывать тоже нельзя. Ну, так получилось. Ну, вот так... Но ты ещё молодой, красивый...

КОСТЯ. Красивый...

ДЯДЯ ПЕТЯ. Молодой... Всё будет... Нормально всё будет. Вот хорошо всё будет.

КОСТЯ. Я — инвалид. Псих.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ну и что.

КОСТЯ. Пенсию платят. Инвалидность.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Это же не крест. Сколько народу живёт - и ничего.

КОСТЯ. А фотографии стояли. Тут вот фотографии были. Где они!?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Не знаю. Может, Ира убрала. Может, она убиралась.

КОСТЯ. А Катя? А остальные где?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Какая Катя!?

КОСТЯ. Фотографии где? Были школьные фотографии, родителей? Где они!?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Может, она убрала. Я спрошу. Ты не волнуйся. Не волнуйся.

Костя открывает шкафы, роется. Дядя Петя смотрит на него, потом быстро уходит. Через некоторое время приходит Ирина Петровна со стаканом воды и блюдцем. Ставит их на стол.

КОСТЯ. Где фотографии? Тут стояли раньше. Вот тут они были. Тут.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я убрала. Сейчас.

КОСТЯ. Зачем?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Чтобы не портились на солнце. Вот, смотри, они вот тут. Вот.

Ирина Петровна достаёт из шкафа фотографии и отдаёт Косте. Он берёт стопку фотографий в рамках и кладёт на стол.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Костя, я вот принесла. Выпей. Это то, что врач сказал. А завтра надо будет сходить с тобой - ещё купить. Выпей.

Костя берёт стакан и глатает таблетки.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А вот твоя карта. На ней пенсия твоя.

Ирина Петровна берёт со стола банковскую карточку и показывает ему, кладёт её обратно на стол.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ты с картой аккуратней. Не теряй.

Ирина Петровна отходит от него и стоит поодаль. Костя берёт стопку фотографий и отбирает несколько фотографий. Одну ставит на стол. Другие отодвигает в сторону. Несколько оставляет перед собой.

КОСТЯ. Где она?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Кто?

КОСТЯ. Она.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Катя?

КОСТЯ. Да. Где она? Вы видели её?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Нет. Она же уехала. Давно уже. Уехала.

КОСТЯ. Куда?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Не знаю, надо спросить. Я же с ней не общалась и родителей её не знаю.

КОСТЯ. Спросите. А... А может, она спрашивала обо мне.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Нет. Не... А... Ну да, ну, конечно, она спрашивала. Спрашивала. Много спрашивала. А что я скажу, а я и не знаю. Она прямо убивалась тут. Чуть не ночевала на ступеньках.

КОСТЯ. Правда?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну конечно, правда. Я-то сразу и не сообразила. Я-то думаю, Катя. У меня что-то своё в голове. А потом и вспомнила, что да, да, убивалась.

КОСТЯ. Я найду её. Может, она стала другой, раз вы говорите.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Она уехала. Как ты найдёшь её? Уехала.

КОСТЯ. Я всё равно найду её. Я узнаю, где она. Поеду к ней, понимаете!?! Поеду. Хотя... Зачем всё?..

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ты не торопись. Поживи, привыкнись. Да и деньги откуда возьмёшь? Пенсия небольшая, у нас тоже денег не особо. Потом и поедешь.

КОСТЯ. А вот эти, мамыны, на стенку надо повесить. Обратно повесить.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Хорошо.

КОСТЯ. Может, дядя Петя со мной на кладбище съездит?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Съездит, конечно. Только ты пообвыкнись. Не торопись.

КОСТЯ. А Катя, говорите, тут приходила. Точно?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну да...

В квартиру входит Дядя Петя.

КОСТЯ. Катя не приходила. Вам меня просто жалко. Не нужен я ей, никому не нужен. Посмотрите на меня... Кто я? Толстый псих, инвалид.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ир, там кипит у тебя. Мне снимать?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да нет же. Сейчас, подожди. Костя, пойдём, уже готово всё.

Костя выходит из квартиры. Ирина Петровна придерживает дядю Петю.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Разволновался. Про Катю вспомнил. А я наговорила не пойми чего, как выкручиваться?..

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ладно...

Они выходят. Закрывают дверь.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Поздний вечер. Костя сидит в комнате за столом и рассматривает свои тетради, что-то перекладывает, достаёт из стола. Входит Ирина Петровна с постельным бельём.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А постельное бельё наше. Я погладила, чистое. Сейчас расстелю тебе.

КОСТЯ. Я сам.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Нет, ничего, я расстелю.

КОСТЯ. Ирина Петровна!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я уже давно Ирина Петровна. Пусть. Сама разберусь. Ты занимайся своими делами. Пиши, сочиняй. Мы ещё твою книгу издадим. Все читать будут.

КОСТЯ. Не будут.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Будут. Откуда ты знаешь?

КОСТЯ. Я никому не нужен.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну хватит. Это уныние. Ты пиши. Начинается новая жизнь. Квартира есть. Всё есть. Пенсию платить будут. Ну, в больнице был, ну и что. Мы рядом. Всё будет хорошо.

КОСТЯ. У людей дети, семьи, жизнь. А я — псих.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Нет. Прекрати!

КОСТЯ. У меня ничего нет. Все умерли - мама, бабушка, отец.

ИРИНА ПЕТРОВНА. И семьи, и дети и что!? Они только ругаются, ссорятся и разводятся. Всё будет хорошо. Денег немного есть, и квартира у тебя есть. Всё будет хорошо. Всё наладится. Всё... Вот увидишь. Ну, было плохо. Но не может же всегда быть плохо.

КОСТЯ. А если может?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Это ты брось. Вот увидишь - всё поправится. Всё будет. Всё...

КОСТЯ. Было... Есть... Будет...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что?

КОСТЯ. Так...

ИРИНА ПЕТРОВНА. А там ещё на кухне печенье и чай в пакетиках. Захочешь — пей. А потом купишь себе, чего хочешь, и живи-поживай.

КОСТЯ. Живи и поживай.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что?

КОСТЯ. Так...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что-то ты грустный сегодня.

КОСТЯ. А нужно быть веселым?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Может, и не нужно.

КОСТЯ. И не нужно.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну, я тебя не буду донимать. Ты смотри, если что - звони. А если что - и в стенку стучи — всё слышно. Слышишь?

КОСТЯ. А? Да. Да.

ИРИНА ПЕТРОВНА. И не сиди - спать ложись. Утром всё сделаешь. Знаешь, а утром вообще всё иначе, чем ночью. Ну, я пойду. Костя, слышишь?

КОСТЯ. А? Да, слышу.

Ирина Петровна собирается выйти.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Закрой за мной.

КОСТЯ. А можно открытой.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что?

КОСТЯ. Дверь открытой оставить.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Как открытой? В подъезд? Открытой!?

КОСТЯ. Да.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Зачем?

КОСТЯ. У нас там вообще дверей не было. Привык.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А...

КОСТЯ. С закрытой дверью... страшно.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А вдруг кто пройдёт. Понимаешь... Ну, чужой.

КОСТЯ. Чужой...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Зайдёт, а ты спать будешь. Понимаешь, давай я закрою дверь. А если что, так ты нам стучи или в дверь звони, по телефону звони. Я чутко, понимаешь, чутко сплю. Услышу. Сразу...

КОСТЯ. Надо закрыть?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да, наверное... надо. Давай закроем.

КОСТЯ. Давайте...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну вот. И спать ложись. Давай. Спать... Спокойной ночи.

КОСТЯ. Спокойной ночи.

Ирина Петровна выходит, и Костя закрывает дверь. Потом отходит от двери. Слышится звук закрываемой двери в подъезде. Тихо. Костя подходит к двери и открывает её настежь. Смотрит, потом прикрывает дверь, оставляя щёлку. Отходит от двери в комнату, осматривается, подходит к окну, всматривается в темноту. Читает свои стихи.

КОСТЯ. Там, где ветер украл тишину, лес качая, как чью-то кроватку, в снах о детстве, как в море тону, на всю жизнь оглянувшись украдкой. В том лесу снова вижу себя: несмышлёныш, не видевший злобы, перемены в душе торопя, в юность ищет короткие тропы. А что хочет, не знает и сам, раздвигая цветы иван-чая, всё идёт к неземным голосам, по знакомым земным не скучая.

Начинает звучать музыка. Звучит песня Ирины Богушевой «Сандаловый пепел».

Костя отходит от окна, берёт со стола фотографии и начинает вешать их на стену. Одну фотографию долго держит в руках и убирает в стол, сбрасывая какие-то бумаги со стола. Смотрит на повешенные фотографии. Потом резко снимает их и тоже кладёт на стол. Быстро подходит к окну и порывистым движением пытается открыть окно. Открывает его. В комнату врывается ветер. Вата от окна летит на пол. Костя жадно вдыхает ветер. Звучит музыка. Костя всматривается в ночь. Потом быстро взбирается на подоконник и, держась за косяк, чуть не вываливается из окна наружу. Он смотрит в темноту. Через некоторое время, опомнившись, Костя спрыгивает с подоконника, берёт что-то со стола и, накинув куртку, выбегает из квартиры, оставляя дверь и окно открытыми.

С безжизненных вершин
Пустынных скал среди снегов
Я смотрю в долину, где жила моя любовь.
На влажные леса, полные цветов,
На ласковые реки, где текла моя любовь.
Плачь или не плачь -
Пеплом замело

Мир, где было мне так больно,
А когда-то так тепло.
Сандаловый пепел,
Сандаловый пепел
Летит и не тает,
Мир замечает,
Боль и радость обращает в пепел.
В небесной тишине, среди бестелесных облаков
Вновь приснилась мне, в который раз, моя любовь.
Нежность без границ, ночь без берегов:
Жаркий зыбкий мир полужверей-полубогов.
Навсегда вдвоём - и в покой и в страсть,
Никого никто не предал и вовеки не предаст.
Сандаловый пепел,
Сандаловый пепел,
Летит и не тает,
Мир замечает,
Боль и радость обращает в пепел.
Нас живых и горячих,
Кто поёт и кто плачет,
Кто чёрен, кто бел,
Кто зол и кто светел -
Всех однажды замечает пепел.
Вьётся среди гор там одинокая тропа,
И куда ведёт - не знает посох и стопа.
Всё, что ты пройдёшь, – помни и забудь,
Только не смотри назад, на то, что не вернуть.
Здесь добро и зло пеплом занесло.
Никогда теперь не будет больно -
Больно и тепло.
Сандаловый пепел
Летит и не тает,
Мир замечает, боль и радость обращает в пепел.
Нас живых и горячих,
Кто поёт и кто плачет
Кто чёрен, кто бел,
Кто зол и кто светел -
Всех однажды замечает пепел.

Музыка затихает.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Пустая комната. Дверь настежь. Окно широко раскрыто, из окна дует ветер, занавеска колышется. Слышатся неуверенные шаги. В комнату заглядывает Даша. Неуверенно входит. Потом видит открытое окно. На её лице ужас — она кидается к окну и смотрит

вниз. Потом закрывает окно и отходит от окна. Осматривает комнату, подходит к столу и рассматривает лежащие на нём фотографии, поднимает и кладёт на стол упавшие бумаги. В это время слышатся шаги, и в дверях появляется Марина. Она не видит сразу Дашу и очень неуверенно входит в комнату.

ДАША. Кто вы?

МАРИНА. А ты кто? Ты что тут делаешь?

ДАША. Дверь была открыта — я вошла.

МАРИНА. Это же не твоя квартира. Где он?

ДАША. Кто вам нужен? Я не понимаю.

МАРИНА. Это квартира Константина Ивановича Белова, так? И где он? И кто вы такая?

ДАША. Да, это его квартира. Наверное, его. Я только ничего не понимаю.

МАРИНА. Так, сегодня его выписали из этой псих..., больницы в общем. Он должен быть здесь. И где он?

ДАША. Я вам говорю, что я пришла, а здесь была открыта дверь, окно.

МАРИНА. Вот так вот. Через окно сюда пришли.

ДАША. Нет же. В дверь я вошла.

МАРИНА. Ещё одна психованная!? Я, думаете, верю всему, что вы говорите? Я сейчас вызову полицию. Вы же воровка? Что вы тут делаете? Воруете? Вынюхиваете тут? Куда вы его дели!?

Слышатся шаги.

ДАША. Я никуда не девала. Я ничего не понимаю. Я просто пришла сюда. Всё настезь — я и вошла.

МАРИНА. Зачем вошли? Кто вы?

Входит Елена Николаевна.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Марин, это кто? Что такое?

МАРИНА. Лен, прихожу, дверь открыта. Стоит вот эта и копается в вещах. Ты представляешь!

ДАША. Да подождите.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Надо вызывать полицию. Надо этот факт зафиксировать.

МАРИНА. И я о том же.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. А может, он её сам притащил. Его приبلуда какая? Притон тут организовал!

МАРИНА. Как в прошлый раз?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Именно. Кто вы!

ДАША. Я — Даша.

МАРИНА. Даша с Уралмаша!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Точно, ты на вид её посмотри!

ДАША. Я вам говорю, что я здесь уже была утром.

МАРИНА. Что?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Марин, ты слышала. Она уже не первый раз тут!

ДАША. Я была уже тут. Я же говорю. Я утром с соседями уже говорила.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Марин, ты слышала, мы так без квартиры останемся.

ДАША. Что? Вы о чём?

МАРИНА. Если это не ваша квартира, то что вы тут делаете?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Что вы тут ходите?

ДАША. Я же говорю, я не знала, что он в больнице. Я приехала сюда, а потом туда.

МАРИНА. Туда-сюда... Куда?

ДАША. В больницу.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Зачем?

ДАША. Чтобы увидеть его.

МАРИНА. Кого увидеть?

ДАША. Костю. А его там уже не было. Мне сказали, что выписали.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ты смотри!

МАРИНА. Опредила нас.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. У неё, видно, свои информаторы — быстрее нас приехала.

МАРИНА. Лен, а если она пропишется тут. Ты подумай.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Нет, нет. Девушка! Женщина! Это не ваша квартира, поэтому уходите отсюда.

МАРИНА. Или мы вызываем полицию.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Вы слышали!?

ДАША. Я не понимаю. А вы кто? И где Костя? Я прихожу — квартира пустая, дверь открыта, окно открыто. Я думала, что он выпрыгнул из окна.

МАРИНА. Что?!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Он выпрыгнул?!

МАРИНА. Он там внизу лежит?!

ДАША. Да нет же. Я смотрела — там нет никого.

МАРИНА. Лена, ты понимаешь?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Что?

МАРИНА. Это наш шанс — если он покончит с собой — квартира наша.

ДАША. Я не понимаю, кто вы?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Мы представители местной власти. А вот кто вы, мы не знаем.

МАРИНА. Какая-то тут Даша находится в чужой квартире.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. А вы представляете, что мы вас можем обвинить в убийстве человека!

МАРИНА. Да, вот где Константин Иванович сейчас? В больнице его давно уже выписали. Нам поступил сигнал - мы тут же приехали.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Именно, чтобы удостовериться, что всё нормально. Это наш долг - заботиться вот о таких инвалидах, сиротах, как он.

МАРИНА. А тут какая-то Даша наводит свои порядки.

В подъезде слышится звук открываемой двери.

ДАША. Я говорю — дверь была открыта.

МАРИНА. А вы так в каждую открытую дверь входите?

ДАША. Но я здесь была уже. Я специально приехала из Германии.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ты слышала?

МАРИНА. Специально! Международная аферистка, видать.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Не видать нам квартиры.

Появляется Ирина Петровна в ночной рубашке.

МАРИНА. Смотри, и эта появилась, соседка.

ДАША. Ирина Петровна, я ничего не понимаю. Помогите.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что происходит? А вы что тут делаете? *(Елене Николаевне и Марине)*
Где Костя?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Это у вас, уважаемая, надо спросить, куда вы дели нашего подопечного!

МАРИНА. Может, отравили его уже?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Где Костя?

ДАША. Я прихожу, дверь открыта, окно открыто, а Кости нет!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Выпрыгнул?

Ирина Петровна оседает. Даша подсакивает и поддерживает её.

ДАША. Да нет же. Помогите! *(Елене Николаевне и Марине)*

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ой! Что-то не хорошо мне.

ДАША. Нет, не выпрыгнул. Куда-то ушёл. Нет его тут.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А куртка?

ДАША. Куртки нет.

МАРИНА. Послушайте, уважаемые, что у вас тут происходит!?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я так и думала, что что-то будет.

Даша отводит Ирину Петровну и усаживает на стул.

МАРИНА. Послушайте, уважаемые...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Надо было его у насложить.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Слышала, Марин: «У насложить» *(передразнивает)*.

МАРИНА. Так в седьмом доме было.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Помню. Переманили - и квартира наша уплыла.

ИРИНА ПЕТРОВНА. А я думала, что надо здесь. Здесь рос, здесь дом, здесь ему как-то проще будет. И где его искать?

ДАША. А я приехала в больницу, а его уже отпустили. И я сюда. Смотрю — дверь открыта. Вхожу — окно нараспашку, листы какие-то лежат на полу, фотографии. А Кости нет. А потом вот они пришли *(показывает на Елену Николаевну и Марину)*.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Так я всё-таки хочу понять, что делает здесь эта женщина, что здесь происходит?

МАРИНА. И где Константин Иванович? Куда вы его уже дели?

В дверях появляется дядя Петя в халате.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Надо идти его искать. Я так и знала. Предчувствовала.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ушёл!?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Надо заявить в полицию!

ДАША. Я пойду его искать.

Дядя Петя подходит к Ирине Петровне и Даше, и они обсуждают между собой случившееся.

МАРИНА. Не надо заявлять *(Елене Николаевне тихо)*.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Почему? Мы же хотели...

МАРИНА. Так будет долго.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Как так?

МАРИНА. Надо естественным путём всё решить.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Как? Я не поняла.

МАРИНА. Окно, и прыг туда - и квартира наша.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Но мы же не убийцы.

МАРИНА. Он сам. Он и так псих, что ему на свете жить, место занимать. Надо, чтобы вот эти не мешали (*показывает на Дашу, дядю Петю и Ирину Петровну*).

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. А может, он где замёрзнет?

МАРИНА. И это выход. Только полицию не надо, а то опять засадят в психушку - и всё. Жди кучу лет.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Это точно.

МАРИНА. У меня есть свой врач. Надо, чтобы он взялся за это дело. Ты поняла? Нельзя допустить прошлой ошибки, чтобы всё, как тогда, из-под контроля вышло. Сейчас только со своим врачом и брать его в оборот.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Да, сейчас-то всё у нас на мази.

Дядя Петя и Даша собираются идти искать Костю.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Хорошо, Даша. Я только оденусь. Я быстро. И пойдём искать его.

Дядя Петя уходит.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Может, он в аптеку пошёл. А я ему про лекарства как раз говорила. А он, может, понял, что сейчас надо идти.

ДАША. А какой он был? Как вёл себя?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да понимаешь, тихий такой. Всё молчит. Всё в своём. А скажет что, так не поймёшь, что и сказать-то хочет. Станный. Ужинали - так толком не ест. По сторонам смотрит. Что-то хочет он, а что - не пойму.

ДАША. А планы какие, что-то говорил? Что хочет делать?

ИРИНА ПЕТРОВНА. А тут стихи читал. Такие, знаешь, стихи, как тебе сказать, - грустные. Что-то такое про Бога, про путь, про созвездия.

ДАША. А может, есть кто у него? Друг какой или подруга, или ещё кто? Ничего не говорил?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Нет, не знаю. Нет никого. Может... Да нет, нет никого.

ДАША. Ирина Петровна, мы пойдём, а вы здесь оставайтесь. Вдруг придёт — вы нам позвоните. Мало ли что. Хорошо?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да, конечно. Да, Дашенька.

ДАША. Как же жаль! Я, знаете, прямо с самолёта сюда, потом в больницу, потом опять сюда.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Куда же он мог пойти?

ДАША. А эти кто? Что за тётки?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ой, не знаю. Плохие люди. Вот та в психушку-то его и сдала.

ДАША. А сейчас чего хотят?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Кто их знает, чего они хотят.

МАРИНА. Мы так и будем здесь сидеть?! Что вы решили? У Константина Ивановича есть телефон?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Вот он. Здесь лежит.

МАРИНА. Надо его посмотреть. Может, он что-то там написал!

ДАША. Я сама посмотрю.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. А кто вы такая?!

ДАША. Я посмотрю - и всё!

Приходит одетый дядя Петя. Даша берёт телефон и начинает в нём что-то смотреть.

МАРИНА. Может, он кому-то написал? Может, кто-то ему наркотики продаёт?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Точно. Ему написали о закладке - он и побежал её забирать.

МАРИНА. Он же наркоман. Был им, таким и остался.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Да что вы порите! Он нормальный, только чуть пришибленный. Жизнь не срослась.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Стихи пишет.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Наркоманы все стихи пишут.

МАРИНА. Нормальные люди стихи не пишут. Что там?

ДАША. Ничего нет.

МАРИНА. Как?

ДАША. Ни одной смс, ничего - всё пусто.

МАРИНА. А звонки?

ДАША. Никому не звонил.

МАРИНА. А ему?

ДАША. Вчера. Номер: сто семьдесят семь...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Это мы ему звонили.

ДАША. Ну и всё.

МАРИНА. Дайте посмотреть. Я вам не верю!

Даша отдаёт телефон Марине.

ДАША. Ну, мы пойдём. А вы тут, Ирина Петровна. Или лучше в квартире.

МАРИНА. Как им пользоваться? Это же не айфон.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Я такими не умею.

МАРИНА. У этих людей даже телефонов нормальных нет.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Они сами все ненормальные.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Молчали бы.

ДАША. Пойдёмте, моя машина за углом.

Дядя Петя и Даша уходят.

МАРИНА. Да, это пустое дело здесь ковыряться.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ну и положи его.

МАРИНА. Уважаемая, послушайте, а ваш этот Константин Иванович...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Костя.

МАРИНА. Ну да, так вот он таблетки пьёт?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да, я ему давала вечером.

МАРИНА. Ты слышала? *(Елене Николаевне тихо)*

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. И неизвестно какие. Пропишутся у него - и всё. Не видать квартиры *(тихо)*.

МАРИНА. Знаете, у нас это принято в районе. В общем, есть специальный врач, наш, так сказать, районный. Надо чтобы он...

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Да, очень хороший врач, он как раз работает с таким контингентом.

МАРИНА. Не с контингентом, нет - с такими людьми.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Да, с такими. Что там за таблетки он пьёт, неизвестно. А сейчас много современных, хороших средств, понимаете? Чтобы он на ноги, так сказать, встал, не был вам обузой.

МАРИНА. Чтобы вы не мучались так, не искали его по ночам. А...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я не понимаю. Есть выписка, есть курс лечения. В больнице всё сказали. Он прикреплён к диспансеру, инвалидность есть. Он же обследуется.

МАРИНА. И это хорошо, очень хорошо. Но вы знаете, какие там лекарства дают, а денег у

вас и у него нет, чтобы хорошие покупать.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. А у нас в районе свой фонд есть местный, бюджетный, мы деньги выделим, и врач пропишет, и походит к нему, чтобы суицидальных никаких желаний не было.

МАРИНА. И чем быстрее, тем лучше. Вы же видите. Только выпустили его — и он тут и всё... Ушёл.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ушёл. Я не понимаю в этом. Я всё равно буду звонить врачу в больницу, его и спрошу.

МАРИНА. Конечно, конечно. звоните. Но это уже не его ответственность. Он уже выписал Константина Ивановича. А вот это наш район.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Он, может, сейчас ходит и насилует там людей. А отвечать мне! Вы же понимаете?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Он никого не насилует.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Не знаю.

МАРИНА. Послушайте, давайте так: вот как найдёте его — так нам скажите. Вот мой телефон.

Марина протягивает визитку Ирине Петровне.

МАРИНА. Я приеду, и там всё решим.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. В любом случае, завтра кто-то приедет. Эту ситуацию нельзя выпускать из-под контроля.

Марина и Елена Николаевна собираются уходить.

МАРИНА. А пока, Лен, надо наших напярчь.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ночь уже. Не захотят.

МАРИНА. Надо. На кону знаешь что!?! Нельзя его выпускать из рук. Звони Лёше, Коле, Араму. Пусть своих поднимают и ищут его. Далеко не ушёл. Обещай им. Никуда не денутся. Фото есть. Я им скину на телефоны. А квартира до утра никуда не денется.

Марина и Елена Николаевна уходят. Ирина Петровна остаётся одна.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Заморят же они его. Или засадят опять. И как быть? Как им отпор дать? Сил же на них не хватит. Костя, Костя... бедный ты, бедный...

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Пустая комната. Дверь притворена, но не закрыта. В неё вбегает Костя. В руках у него пакет. Костя сбрасывает куртку. Кидает на стол что-то из кармана. Высыпает на стол содержимое пакета: колбасу, хлеб, сыр и другое съестное. Достает из кармана листовку, смотрит на неё, берёт со стола телефон, набирает номер и звонит.

КОСТЯ. Алло. Слышите?! Я хочу пиццу заказать. Да. Адрес: Лосевская, дом двадцать, квартира сто двадцать третья. Сейчас! Одну - «четыре сыра», другую - «Маргарита», третью - «Карбонара». Цены? Знаю. Наличными. Да, жду. Да, и бутылку колы, два литра. Жду.

Хорошо!

Костя кладёт телефон. Ходит по комнате, смотрит на окно. Ему что-то кажется странным. Он подходит к окну, там лежит вата. Он собирает её. В дверях появляется Ирина Петровна.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Костя!

КОСТЯ. Тётя Ира...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ты где был?!

КОСТЯ. Я...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Петя и Даша тебя ищут, ездят по району.

КОСТЯ. Что? Кто?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Девушка такая, Даша.

КОСТЯ. Даша!?! Откуда?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я тебе не говорила. Но ты ушёл. Я бы и не стала говорить. Это ваши дела. А она утром приходила и сейчас приехала. А тебя нет.

КОСТЯ. Я не хочу никого видеть. Её не хочу видеть! Не хочу! Слышите?!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Успокойся. Где ты был?

КОСТЯ. Кого она увидит? Толстого, опустившегося. Как хорошо, что я ушёл... Как хорошо, что я её не видел. Она меня не видела...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Где ты был? Почему окно было открытым? Зима же.

КОСТЯ. Окно?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Да, окно. Где ты был? Мы же тут волновались. Дверь открыта, тебя нет.

КОСТЯ. Тётя Ира, знаете, там, ну, там. Там же, как в тюрьме. Всё надо делать, как велят, постоянно смотреть, слушаться. Ничего нельзя делать без спроса. И даже на улицу не выйти. Вы не знаете, что такое свобода. Наверное, только раб понимает по-настоящему, что такое свобода.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Кто? Раб?

КОСТЯ. Да, узники или рабы. Вы не знаете, что такое свобода и быть свободным. А я был рабом - я знаю. Свобода — вот просто так выйти на улицу, просто идти по пустым заснеженным улицам и дышать, дышать и понимать, что никто тебе ничего не может запретить.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ты просто в следующий раз... ну хотя бы записку оставь. Мы же не в том возрасте.

КОСТЯ. А... Я не подумал, простите. Я не подумал. А вообще я по делу. Я же деньги снимал. Банкомат искал. А тут всё в районе поменялось, всё переставили. Я туда - а там его нет. Долго искал.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Зачем? Ночью?! Ты что, правда!?! Ты... наркотики!?

КОСТЯ. Что?! Тётя Ира! О, нет... Знаете, а вы хотите пиццу? И Колу! Большую! Четыре сыра, Карбонара и Маргарита. Большие пиццы!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ты о чём?

КОСТЯ. Пиццу хотите? Сейчас привезёт курьер.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ты с ума сошёл! Ночь же!

КОСТЯ. Понимаете, я там ел эту кашу, и мне так хотелось её — пиццу. Четыре сыра, Маргарита, Карбонара. Есть пиццу, сколько хочешь, когда хочешь! Я чувствовал её запах, она мне снилась ночью. И я решил, что когда я выйду оттуда, то я первым делом наемся пиццы и обопьюсь колой, понимаете?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Бедный мальчик.

КОСТЯ. Вы будете пиццу? А дядя Петя?

ИРИНА ПЕТРОВНА. Поздно уже, Костя.

КОСТЯ. Не будете? А я вас хотел угостить. Только о времени не подумал.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Не подумал. Я пойду Пете звонить. Он же ищет тебя.

КОСТЯ. Тётя Ира!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что?

КОСТЯ. Только Даша пусть не приходит. Понимаете!?! Вы понимаете меня!?! Я же кто? Никто. Я ночью ем эту пиццу, лохматый, толстый, никудышный человек. Она, глядишь, всё такая же... А я... Я... Я... Кто я? Я...

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я что-нибудь придумаю. Она не придёт. Только ты не уходи. И дверь закрой. А если что - ты записку напиши. А вообще, постучи, позвони. Ничего, что ночь. Только не уходи. А хочешь ночью гулять — гуляй. Только скажи и телефон возьми.

КОСТЯ. Телефон? А я его забыл тут. Я им и не пользуюсь. Как-то не подумал.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Я иду звонить Пете. А ты не беспокойся. Я сейчас придумаю, скажу что-нибудь. Придумаю. Даша не придёт.

Ирина Петровна уходит. Костя ходит по комнате и читает стихи.

КОСТЯ. Чтобы стать дождями пушному туману и свободной птицей над землёй лететь, надо, принимая солнечную ванну, веник взяв, пожётче париться, потеть. Ель зимой под корень пилят лесорубы и на сушку прячут нежной плоти часть, после вырезают ножиком ей губы, чтоб она запела, в скрипку превратясь. Но всего сложнее стать добрей и проще, чтобы зависть, злобу положить в кулак, бремя испытаний потаскать, как ношу тянет, надрываясь, вдоль реки бурлак.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Костя сидит за столом. В дверях стоит дядя Петя, за ним Ирина Петровна.

ДЯДЯ ПЕТЯ. А мы, понимаешь, ездим, тебя ищем. А Дашка и говорит...

Ирина Петровна незаметно стучит по дяде Пете.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Ну, в общем, нет тебя и нет. А ты, оказывается, там был. Вот приключение.

КОСТЯ. А что вы ей сказали?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Кому?

КОСТЯ. Даше.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что сказали? Ну, сказала я, что ты спать лёг. Телефон дала, сказала: звони мне. Завтра звонить будет, ну и разберёмся тогда.

КОСТЯ. Дядя Петя, пиццу будешь.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Пиццу? Сейчас?!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Нет, нет. Спать пора. И ты ложись. Поешь - и спать. Ты и так уже нагулялся. Хорошо?

КОСТЯ. Да, извините. Я не подумал.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Отдыхай, Костя, отдыхай.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Спокойной ночи. Закрывай.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Если что - звони. Хорошо? Спокойной ночи.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Там кто-то идёт?
КОСТЯ. Это ко мне. Пицца приехала!
ИРИНА ПЕТРОВНА. Не сиди долго.

Ирина Петровна и дядя Петя уходят. Костя встаёт и идёт к двери, нервно ходит. Через некоторое время в дверях появляется разносчик пиццы.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Вы заказывали?
КОСТЯ. Ага, я.
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Так вот, держите.

Разносчик пиццы в дверях хочет достать коробки с пиццей. Они проходят в комнату.

КОСТЯ. А проходите внутрь. На стол ставьте.
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Так, «Четыре сыра», «Карбонара», «Маргарита». Верно?
КОСТЯ. Верно. А вы можете ещё раз это сказать?
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Что сказать?
КОСТЯ. Ну, повторите «Четыре сыра»...
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Повторить?!
КОСТЯ. Да.
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. «Четыре сыра», «Карбонара», «Маргарита». Верно?
КОСТЯ. Верно. А ещё?
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Что?
КОСТЯ. Повторите.
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. «Четыре сыра», «Карбонара», «Маргарита». Вот чек. Наличными. Платите.
КОСТЯ. Сейчас. А ещё?
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Что?
КОСТЯ. Ещё повторите.
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Повторить?
КОСТЯ. Да.
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Зачем? Вы не слышите?
КОСТЯ. Слышу. Этот запах! Ещё повторите.
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Странно. «Четыре сыра». «Карбонара», «Маргарита». Верно?
КОСТЯ. Да.
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Вот чек. Платите.
КОСТЯ. Здорово! Я уже чувствую запах. Вы чувствуете?
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Вот чек.
КОСТЯ. Сейчас.

Костя достаёт деньги и начинает считать.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Поздно вы заказываете. Гостей ждёте?

Костя задумывается, перестаёт считать.

КОСТЯ. Послушайте, а хотите пиццу?
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Что?
КОСТЯ. Пиццу?
РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Нет.

КОСТЯ. Послушайте, а побудьте здесь со мной.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не понимаю. Вы платить будете?

КОСТЯ. Да, только останьтесь со мной.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Я, пожалуй, пойду.

Разносчик пиццы явно испуган и пятится к двери.

КОСТЯ. Я просто пока в больнице, в психушке, лежал...

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Где?

КОСТЯ. В психушке. Но я, я нормальный. Наверное, нормальный. Я мечтал вот так купить и съесть пиццу. И выпить колу, и чтобы никто, никто мне не мешал, чтобы я это сам сделал — купил сам, заказал сам. Что хочу, то и заказал. Понимаете?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Я по-пойду.

КОСТЯ. Нам там давали какую-то еду. Но она мне не нравилась — пресная, вонючая еда. Я ложился спать ночью, и мне снилась пицца. Мне снилось, как я её буду есть, как я буду отламывать кусок за кусочком и как она пахнет.

Костя быстрым движением подскакивает к двери и зарывает её.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Сумасшедший.

КОСТЯ. Нет. Откройте, откройте коробки. И давайте просто есть. Ну же!

Костя протягивает деньги.

КОСТЯ. Вот, берите. Только не уходите. Понимаете, так получилось, долго рассказывать. Но мне просто надо, чтобы вы были тут, рядом. Чтобы кто-то был рядом. Сейчас. Хотите, возьмите ещё денег.

Костя протягивает ещё несколько купюр, но разносчик пиццы чуть отходит и не берёт деньги.

КОСТЯ. У меня никого нет, ничего нет. Осталась только вот эта квартира. Все поумирали. А меня засунули в психушку и хотят отобрать и эту квартиру. Да и вообще, до того, как вы пришли, я открыл это окно и хотел выброситься. А зачем жить? Мне казалось, что я любил одну. А теперь всё кончено, прошло. Я ненужный человек, никчемный и толстый. Ничего не добился, ничего не сделал... для чего живу, не знаю. А потом я вспомнил... и про пиццу вспомнил. Побежал к банкомату, прошёлся по городу, посмотрел вокруг, и мне так захотелось сделать то, что я хочу. Откройте же. Ну же! Быстрее.

Разносчик пиццы достаёт из сумки коробки с пиццей и бутылку колы. Костя выхватывает одну из коробок и резко открывает её и вдыхает её запах.

КОСТЯ. Здорово! Этот запах! Это — чудо! Держи.

Костя протягивает деньги. Разносчик пиццы их пересчитывает и отдаёт лишнее.

КОСТЯ. Бери все деньги.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не надо.

КОСТЯ. Хоть минут на пять останься.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. У меня заказы.

Костя отламывает кусок пиццы и протягивает его разносчику.

КОСТЯ. Хочешь?

Разносчик пиццы не берёт протянутый кусок.

КОСТЯ. Просто так. Я много лет мечтал это сделать. Бери.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Меня будут ждать. У меня работа.

КОСТЯ. Как же мне тебе объяснить, что вот сейчас, вот здесь, мне просто нужно, чтобы кто-то был. Кто-то рядом, кто меня выслушает, кто просто съест со мной эту пиццу, кто просто будет смотреть мне в глаза. Хотя бы недолго. Разве у тебя такого не было, что в один какой-то момент очень хочется, чтобы с тобой был кто-то рядом, просто рядом, кто не будет задавать глупых вопросов, кто будет просто рядом, просто слушать, просто смотреть. А ты будешь чувствовать, что ты не безразличен, что ты нужен. Я же не страшный, я не кусаюсь, я даже острое в руки брать боюсь. Я же...

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Только недолго.

КОСТЯ. Держи. И вот пей. Я сейчас стаканы принесу.

Костя выходит из комнаты и практически тут же появляется со стаканами. А разносчик пиццы за это время снимает куртку и осматривается.

КОСТЯ. А ты кто по жизни?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Как кто?! Разношу пиццу.

КОСТЯ. Да нет! Ну, я - псих, а так, учился, в журнале работал, рассказы и стихи писал, а потом как-то закрутило, и не пойму - где я и что. А ты кто? Ну, кто?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Я? Я учусь.

КОСТЯ. Учишься!?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Да, учусь на философском, на дневном. А по ночам, бывает, вот здесь работаю. Деньги не лишние.

КОСТЯ. Значит, ты философ? Бери пиццу. Ешь.

Костя и разносчик пиццы едят пиццу и запивают её колой.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Пока только учусь. Спасибо.

КОСТЯ. А зачем нужны философы в этом мире?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Как зачем!?

КОСТЯ. Если этот мир такой жестокий и несправедливый, то зачем нужна ваша философия?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Ну как, ведь кроме жестокости есть ещё...

КОСТЯ. Постой, вот я сегодня слышал спор, по дороге слышал, двое незнакомых мне спорили. Вот ты и скажи. Ребёнка где-то растерзала стая собак. И один говорит, что надо миллион, два миллиона собак убить, и они не стоят жизни этого ребёнка.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. И что? Не понимаю.

КОСТЯ. Ну вот и скажи, как философ скажи, вот жизнь одного невинного ребёнка и жизнь миллиона собак. И кто важнее? Собаки? Ребёнок?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Так сразу. Странно как-то. Ребёнок.

КОСТЯ. А собаки?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Они же собаки.

КОСТЯ. Миллион собак!?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Ну да.

КОСТЯ. Даже если они не драли этого конкретного ребёнка, если это просто какие-то собаки, даже, может, очень добрые, хорошие, ласковые собаки?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Ну, это же человек?

КОСТЯ. А откуда известно, что вырастет из этого человека?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. В каком смысле?

КОСТЯ. Ты ешь. А если из этого человека вырастет зверь, изверг, жестокий убийца. Стоит ли жизнь убийцы жизни миллиона невинных собак, коров, зайцев, кошек, да бог знает кого?..

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Но он же человек.

КОСТЯ. И если он человек, то ради этого можно убивать миллионы других?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Человеческая жизнь бесценна.

КОСТЯ. Любая жизнь.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Что?

КОСТЯ. Ешь. Любая жизнь бесценна.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. В принципе, да. Какая-то знакомая история. Миллион собак, миллион евреев, миллион кого-либо. И так далее. Знакомо. Было. Любое насилие, любую жестокость всегда чем-то оправдывают.

КОСТЯ. А ты видел, как умирают животные, собаки, там?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Видел. Моя собака умирала. Недавно.

КОСТЯ. И как?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Я её глаза не забуду. Она смотрела на меня этими добрыми, такими, такими, понимаешь, прекрасными глазами. А потом она так дёрнулась, вытянула лапы, так вытянула. И глаза... глаза остались открытыми. И я их закрыл. И так всё быстро. Была - и нет. И только одно тело. Такое жалкое, жалкое тело.

КОСТЯ. А что мы знаем о них, о животных? Мы придумали себе, что мы цари, что нам всё позволено... А может, в этих глазах весь мир. Любовь, сострадание, преданность. Они убивают животных, они все делают этот мир жестоким, жутким миром. А потом они говорят...

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Кто?

КОСТЯ. А потом люди говорят, что вот они недостойны, они ничтожны — вот животные. А потом говорят, что, например, я недостойн, я псих, я больной... кто-то другой недостойн. Одна жестокость порождает другую жестокость, ненависть порождает новую ненависть. Насилие порождает насилие. И это не остановить.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А чем же остановить?

КОСТЯ. Любовью, пониманием, прощением, даже жалостью.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Жалостью? Странно.

КОСТЯ. Почему же?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Любовью - понятно. Но вот жалостью...

КОСТЯ. А если бы мы жалели... друг друга жалели. Всех жалели... Ешь.

Костя и разносчик пиццы едят пиццу и пьют колу.

КОСТЯ. Ночь. И никто, никто не властен. Никто не может нам ничего запрещать... Никто не может нам мешать.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. В каком смысле?

КОСТЯ. Жить! Понимаешь! Ночь - это наше время. Время поэтов, время таких, как ты — философов. А вот разве можно научиться быть философом?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Можно. Но не философом.

КОСТЯ. А кем?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Образование получить определенное - вот это можно. А уж философом...

КОСТЯ. Если бы люди были философами...

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. И что тогда?

КОСТЯ. Может, не было бы всей этой гадости, что есть.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А знаешь, я ведь и пошёл туда учиться... В общем, я хотел сделать мир лучше или понять, как его сделать лучше. А сейчас... Сейчас...

КОСТЯ. Близок к разочарованию?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Наверное. И даже не из-за учёбы. У меня хорошие родичи, сестра, бабушки. Но тут я ходил, разносил и пиццу, и еду, и курьером. Столько я навидался! Я думаю, что в этих людях? Что у них внутри!? О чём они думают? О чём переживают? За что борются, что любят?

КОСТЯ. И видишь пустоту... Нет, безразличие.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Наверное. Равнодушие, какую-то бездну пустоты в глазах.

КОСТЯ. Пропать.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. И это тоже. Едят, пьют, смотрят телевизор и играют в игры, и прожигают свою жизнь.

КОСТЯ. А потом умирают.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Умирают.

КОСТЯ. А чаще уже мертвы, хотя ещё живые. И никому они на самом деле не нужны.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Людям всегда нужно быть кому-то нужными. Разве не так? В этом и беда, когда человек перестаёт быть нужным.

КОСТЯ. Ты философ! А что такое смерть? Что будет потом? Пустота, мрак, неизвестность? А ведь этого все боятся. Даже самые никчёмные люди боятся смерти. А зачем бояться? Если уже в тебе этот мрак, эта пустота — всё остальное уже не страшно. Разве не так?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Так. Но я не знаю, что такое смерть. Может, это потерять себя?

КОСТЯ. Может, а может, это только слова. Люди хотят быть счастливыми. Всегда. Ведь так?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Да, хотят.

КОСТЯ. А вот что страшнее — умирать несчастным или счастливым? Когда ты несчастен — тебе нечего терять. А когда счастлив — тебе есть, что терять.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Иногда именно счастливые боятся больше вот этой смерти.

КОСТЯ. Хоть какая-то справедливость. Смешно. Бери ещё.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А ещё я заметил, что люди... Я слышал много разговоров, много людей видел. Вот даже по ночам - ночью вообще как-то всё более остро, более ярко видится, и типажи встречаются более сочные такие. Знаешь, вот проживает человек жизнь... Я в общем говорю...

КОСТЯ. Понимаю.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Проживает, ошибки делает, много плохого делает, и больше себе плохого делает. Вот вроде можно измениться, можно что-то поменять в жизни, другим стать, а не может, не хочет, страшно, лень. Но зато такие люди начинают винить в своих бедах других, начинают искать виноватых в том, что они так живут. И все вокруг виноваты, кроме них самих.

КОСТЯ. Винить можно только себя и никого другого. Только себя. И от этого ещё грустнее. Если бы можно было во всём обвинить любого другого, найти виновника — было бы проще. А так, ты сам виноват. Сам.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Но никто этого не понимает. Они и винят других. Это ты понимаешь, и потому тебе так тошно, как и мне. А им?!

КОСТЯ. Да и им тошно. Ешь. А «четыре сыра» я люблю больше всех.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Мне пора уже. Ругаться будут. Скажут, что я спать пошёл.

КОСТЯ. А ты скажи, что я тебя взял в заложники.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не поверят.

КОСТЯ. Почему?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Догадайся.

КОСТЯ. Ты философ!

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Думаешь?

КОСТЯ. Ага. Правде никто не верит, а вот лжи верят.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Они решат, что я вру.

КОСТЯ. А наш мир вообще весь лживый. Не кажется тебе так?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Кажется. Чем больше лжёшь, тем больше преуспеваешь.

КОСТЯ. А если говорить правду, то будешь таким, как я, — никому не нужным сумасшедшим.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А ты говорил правду?

КОСТЯ. Я просто не лгал и имел своё мнение.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. И за это сажают в психушку?

КОСТЯ. Не совсем. Это как довесок. А в психушку сажают за квартиру.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. То есть?

КОСТЯ. Если ты один (а я один), если есть повод (а он был), то почему бы не сделать подлость, всего лишь одну подлость, маленькую такую подлость. Но они её подлостью не называют.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Кто они?

КОСТЯ. Да не суть - чиновники, дельцы - местные твари. Они это подлостью не называют. Наоборот, это у них забота обо мне. Забота! Помочь мне надо, уберечь и аккуратно оставить без всего. И аккуратно обогатиться. Как тебе? И чего стоит моя жизнь по сравнению с их планами, их выгодой? Я один и их миллионная выгода на кону.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. И как же квартира?

КОСТЯ. Отнимут, посадят опять в психушку.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. И ты сдашься?

КОСТЯ. Они получают квартиру. А меня они не получают. Всегда есть выход. И это окно — это тоже выход.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не надо.

КОСТЯ. Смешно. Ешь. Вкусно же. Я мечтал. Долго мечтал наесться пиццы — досыта, до отвала. Вот просто есть и есть. А потом, понимаешь, есть не только квартира, но и много чего ещё... Просто быть нужным, быть для кого-то нужным... А кому я нужен?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Жизнь бесценна. Ты же говорил!?

КОСТЯ. Ага. Любая.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. И как же?

КОСТЯ. Я же трус. Сделать выбор ещё надо уметь.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не стоит. Может, всё ещё будет хорошо.

КОСТЯ. Да что может быть хорошего...

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А я подумал, а будут ли счастливы они?

КОСТЯ. Кто?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Те, кто отнимут у тебя квартиру. Вот будут ли они счастливы, что совершат подлость, что украдут, лишат, заморят, уничтожат?

КОСТЯ. Будут.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Думаешь?

КОСТЯ. Они для того и живут - сделают пакость, а потом радуются. В этом весь их мир. Кто-то созидает, а кто-то разрушает.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не думаю.

КОСТЯ. Что?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не думаю, что они счастливы. В разрушении нет счастья, нет счастья и в воровстве. Они потрут руки, запихнув человека в психушку, стырив его квартиру, уничтожив тебя, а что потом? А потом им хочется ещё и ещё, и ещё. А потом больше и

больше. Нет у них счастья и не будет. Они пусты для того, чтобы у них было счастье.

КОСТЯ. Ты и вправду философ, развозящий счастье людям по ночам. Ешь.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Да! Вот у них нет счастья, и не будет, так как они не знают, что такое счастье. Да и не построишь своё счастье на чужом несчастье. Всё равно их накроет, наступит наказание. А знаешь, да! Я видел, что такое счастье, и я его, правда, развожу по ночам. Бывало, вот так едешь на заказ, везёшь пиццу, открывают тебе двери, вносишь ты этот тёплый солнечный круг в дом и видишь, что люди счастливы, что они собрались вместе, что они нужны друг другу. Они и слова не говорят, а ты видишь.

КОСТЯ. Съешь ещё.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Мне пора уже.

КОСТЯ. Знаешь, я часто думаю о таких понятиях, как мораль, совесть.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А что ты думаешь?

КОСТЯ. Я не могу от них освободиться. Я не могу отделаться от своей совести, от своей морали, от этого всего. Может, из-за того, что я сошёл с ума? Почему мне за всех больно и за всех переживаю. И почему другие проходят мимо и не видят того, что вижу я? Может, мы живём в разных мирах? Или, может, всё просто — я псих, и они все правы.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. У нас нет освобождения от совести, и от морали нет освобождения.

КОСТЯ. А у всех остальных оно есть?!

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. И у них нет.

КОСТЯ. Тогда почему всё так?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Они все всё равно когда-то ответят за всё.

КОСТЯ. Это лишь утешение.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Лучше иметь совесть, переживать за всех и быть «психом», поверь! Знаешь, я тут думал, ведь в этом мире много чего намешано. Есть добро и зло, например. Но это всё как бы поровну разделено, как воздух: немного доброго - немного злого .

КОСТЯ. Не понимаю.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Понимаешь, такая теория. Вот наш мир. Вот все мы — люди, звери, растения. Все мы составляем какую-то массу. А помимо этой массы есть невидимое — и в том числе вот это добро и зло. Оно, как воздух, витает вокруг нас, в нас.

КОСТЯ. Так. Понятно.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Это добро и зло разлито как вода вокруг. Оно перемешано везде, и в людях в том числе. В ком-то больше добра, в ком-то - зла. Но бывает так, что в каких-то людях или в чём-то это зло концентрируется. Оно как бы собирается в чём-то или в ком-то, и вот это и становится олицетворением зла, воплощением зла. Если во всех нас понемногу доброго и столько же злого, и всё как-то уравнивается, то есть что-то или кто-то, кто становится таким злом во плоти.

КОСТЯ. Почему же столько зла вокруг? Почему люди наполнены ненавистью, злостью? Почему люди сами становятся вот таким злом?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Понимаешь, часто многие ничего не понимают, не понимают того, что они делают.

КОСТЯ. Это как?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Люди часто, когда совершают зло, не всегда думают, что это зло. Наоборот, часто они уверены в обратном. Они сами себя убеждают в какой-то своей правоте и живут по своим, придуманным ими правилам. И они считают, что лучше других знают, как всем надо жить. Да и тот, в отношении кого совершается зло, не всегда понимает, что с ним творят. А ещё, самое худшее из проявлений зла — это власть.

КОСТЯ. Как это?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Власть над другими. Гаже власти над другими ничего нет. И гадость - не столько сама эта власть, а стремление к ней, наслаждение этой властью. Это страшно. Страшно, когда тебе начинает нравиться то, что тебе подчиняются, что ты всё

можешь сделать с людьми. И ты оправдываешь это тем, что тебе можно, позволено, ты вправе, ты живёшь по своим придуманным правилам, и только они верны. И человек упивается этой властью — властью над слабыми, над детьми, над женщинами, над стариками - над всеми.

КОСТЯ. А добро?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А что добро?

КОСТЯ. Оно вот так может в ком-то собираться? Может какой-то человек или что-то стать каким-то источником добра.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Конечно. Но часто добро мы не замечаем, не видим. Оно не так заметно, и люди эти не так заметны. А зло — оно виднее. Хотя, знаешь, бывает так, что зло рядится в добро. Вот тогда оно видно. Кажется, что ты с чем-то хорошим столкнулся, а это откровенное зло, которое рядится в добро. А вот ещё, о чём я думал. Бывают вот такие моменты, что как будто из мрака, из чего-то чёрного встаёт самое гнусное, самое мрачное, что только есть на свете. И кажется, что этот мрак непобедим, что он правит бал. И делается много плохого, жестокого, жуткого. Но знай, уже идёт борьба, уже идёт невидимая битва. И зло будет побеждено, отступит... Зло всегда хитрое и изворотливое, но есть прямые удары, перед которыми зло оказывается беззащитным. И другого не дано.

КОСТЯ. И какие же удары?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Быть самим собой, быть честным и порядочным — человеком быть и верить в себя и в правду.

КОСТЯ. Хочешь ещё? Бери.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Мне пора, правда.

КОСТЯ. Знаешь, как хочется простых вещей, просто жить, просто, чтобы все жили и не мешали друг другу. Чтобы не было плохих людей. Чтобы мирно жили, незатейливо и счастливо. А ещё свободно. Ведь что для меня такое эта пицца? Это свобода. Да, да. Я долгие годы мечтал об этом. И это просто здорово, когда ты можешь, если хочешь, выйти на улицу, когда ты среди ночи можешь пойти и сделать себе бутерброд или заказать пиццу и никого не спрашивать. Никто не ценит свободы, не видит её. А ценить начинаешь только тогда, когда её теряешь. Громкое слово — свобода! А нет, это ведь совсем простые вещи — просто иметь право быть самим собой, таким, какой ты есть. Может, это такое чувство свободы. Быть там, где хочешь, жить там, где хочешь. Когда тебя долго держат взаперти, то свобода становится чем-то главным в твоей жизни.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Ты прав. А ещё, не жить прошлым, не заикливаться на нём — это тоже свобода. Разве не так? Часто мы как будущее воспринимаем прошлое. Нам кажется, что это будущее. А на самом деле — это прошлое. А нельзя жить прошлым. Его надо знать, понимать, уважать, но смотреть надо вперёд, а не назад. Надо не бояться будущего.

КОСТЯ. Наверное.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Знаешь, вот ты, видимо, живёшь прошлым, своими потерями, своими неудачами, обидами. А ведь прошлое никогда не уходит просто так. Всегда идёт борьба между прошлым и будущим. И борьба в нас самих.

КОСТЯ. Я не в обиде. Не обижен.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Всё равно. Ты живёшь прошлым, согласишься. То, что я вижу, об этом говорит. А жить надо настоящим, а ещё лучше - будущим. Там, только там, будет лучшее. Только там, в будущем, мы будем счастливы. Не надо жить в прошлом.

КОСТЯ. А если в твоей жизни только и есть прошлое. Всё уже прошлое. Одно только прошлое. Одни воспоминания. А где будущее? Есть ли оно?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Если ты захочешь попрощаться с этим прошлым, будущее само придёт и захватит тебя.

КОСТЯ. И кто знает, что такое это будущее? Какое оно это будущее? Каков его образ? Разве это кто-то знает? Ты знаешь?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Иногда, чтобы понять, как жить, как жить правильно, по-настоящему, надо многое испытать, много унижений, насилия, многое продумать, многое пережить. Когда человек много страдает, переживает, терпит и годами мучается, но не ломается, остаётся человеком, он знает, что такое будущее. Внутренне знает то, каким оно должно быть и каким точно не должно быть. Как-то так. Ты сам всё уже знаешь. Может, остался только один шаг.

КОСТЯ. А ты один развозишь пиццу по ночам?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не всегда.

КОСТЯ. Я бы ещё заказал пиццу, потом.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Послушай, если надо, то жизнь столкнёт нас ещё раз.

КОСТЯ. Возможно. Но я хотел...

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А я тебе хочу сказать. Жизнь даёт человеку великий урок терпения. Многие теряют всё — у них не хватило терпения. После больших потерь, после переживаний и бед бывает так, что наступает не какая-то новая беда, а наоборот. Может, после какой-то большой беды и потери только и понимаешь, что надо ценить, что настоящее, а что нет. Ведь бывает и наступает это счастье у людей. Вот недавно я такое прочитал и запомнил. Слушай. Люди живут просто так, не задумываясь о главном, люди томятся в себе, в своём повреждённом, ущербном теле. Многие не понимают, кого они любят на самом деле. Для таких, возможно, Творец и разворачивает ход Провидения, и вместо каких-нибудь похорон они вдруг празднуют дни рождения. Так живёт человек, как трава, и вдруг вместо мучений, страсти с ним случается не какой-нибудь полный ужас, а наоборот — наступает счастье.

КОСТЯ. И наступает счастье... А что такое это счастье?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Да кто его знает, что это такое. У каждого своё.

КОСТЯ. Ты настоящий философ.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Да что мы знаем. Ничего мы не знаем. Себя не знаем, других не знаем, мир вокруг не знаем. Ничего мы не знаем и, может, даже и не хотим ничего знать.

Разносчик пиццы собирается уходить, надевает куртку и идёт к двери.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Мне реально пора. Телефон гудит. Получу взашей. Может, тебя уже ждёт счастье. Может, оно рядом. Может, надо просто не отворачиваться от него, просто сделать шаг. Может, перед тем, как оно наступит, надо прожить всю эту никчемную жизнь, чтобы понять, что такое счастье, что такое настоящее счастье, что такое настоящая жизнь, понимаешь.

КОСТЯ. Прости меня.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Будет счастье. Обязательно. Открой.

Костя подходит к двери и открывает её ключом.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Пока.

Разносчик пиццы уходит.

КОСТЯ. Пока.

Костя подходит к окну и смотрит в него, читает свои стихи.

КОСТЯ. Вышла из облака первая звёздочка и переходит по мостику пропасть. Вдруг неожиданно падает досточка, но вырастает могучая лопасть. Если судьба человека решается,

он ощущает, противясь сомненью, что за спиной его крылья мешаются, и, обернувшись, гордится их тенью.

Костя молчит, а потом тихо говорит.

КОСТЯ. И наступает счастье...

Свет гаснет.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Костя стоит у стола, достаёт какие-то бумаги, смотрит их, разбирает.

КОСТЯ. Где же? Была же записная книжка и там её номер. Где же она?

Костя продолжает рыться, вынимает какие-то вещи, они падают вокруг. В это время дверь приоткрывается и в неё заглядывает Елена Николаевна. Она заходит и наблюдает за Костей. За ней входит Марина. Елена Николаевна делает ей знаки, чтобы та была тише. Марина достаёт свой телефон и начинает им снимать Костю. Костя их не замечает.

КОСТЯ. Если она приехала. Если она меня искала, может, я ей... Да нет. Нет. Какой смысл. Ну кто я, а кто она? Я толстый, противный псих. А она? Она, наверное, такая вся красивая, стройная, умная... А если... Ну, чем я рискую. Он же сказал, этот разносчик. Он же правильно сказал. Найду телефон, позвоню ей и скажу: «Здравствуй, Даша! Это я. Я...». А дальше? А что ей сказать дальше?

Костя замечает вошедших и в недоумении смотрит на них.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Видишь, Марин! Я правильно тебе говорила, что он здесь. Правильно мы сюда заехали. А ты говорила... Погулял и пришёл.

КОСТЯ. Вы!?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Я, я.

КОСТЯ. Что вы тут делаете? Как вы вошли?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. У тебя тут притон, проходной двор. Дверь открыта - входи, кто хочет. Марина, снимай это всё. Бутылки, коробки, бумаги. Это явно сумасшедший, опасный для общества человек. Ты на его вид только посмотри. Посмотри!

КОСТЯ. Что вы тут делаете?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Спасать тебя пришла. Кто-то выпустил тебя, а тебе не место среди людей. Там тебе надо, в псих... в больнице. Там. Сейчас врача вызовем.

МАРИНА. За ним уже поехали.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Лёша поехал?

МАРИНА. Да.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Приедет - подпишем все бумаги. Паспорт свой отдашь - и спасём тебя. Тебе там будет спокойнее, там, понимаешь? Нечего тебе делать среди этой жизни. Там, там тебе место.

КОСТЯ. Вы не посмеете!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. А если не врач, то будет полиция. У меня всё схвачено. Ты понял!?

КОСТЯ. Вы же воплощение зла! Вы — зло! Вы... Вы же — зло!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Смотри, Марина. Он и, правда... Снимай! Нам это понадобится.
КОСТЯ. Сколько же вы подлостей сделали, сколько гадостей сделали людям. А всё мало. Не понимаетесь. Разрушили мою жизнь.
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ты сам её разрушил.
КОСТЯ. Другие жизни разрушаете. Правильно он сказал. Правильно! Вы восстали из мрака, из темноты. Вы просто концентрация зла.
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Что? Ты о чём?
МАРИНА. Он, правда, псих.
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Марина, снимай. Пригодится.
КОСТЯ. Это же так. Вы — зло. Зло от начала до конца. Сколько вы сделали плохого, скольким испортили судьбы.
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Снимай. Снимай этого психа.
КОСТЯ. Думаете, я не понимаю!?
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ничего ты не понимаешь. Видно же.
КОСТЯ. Я понимаю. Подпиши вам бумажки - и всё. Отнимете, упрячете.
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Спасём тебя, вылечим.
МАРИНА. Правильно.
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ты же неменяемый. А не нравится, то полиция тобой займётся. Я уже совершила ошибку и не совершу её сейчас.

В дверях появляется Ирина Петровна и дядя Петя.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Что здесь такое?
ДЯДЯ ПЕТЯ. Опять пришли! Ночь же!
ИРИНА ПЕТРОВНА. Покой будет!? Костя?
ДЯДЯ ПЕТЯ. Что они хотят?
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Марина, и их снимай. Они виноваты.
ДЯДЯ ПЕТЯ. В чём виноваты?
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Под боком у вас больной человек, опасный для общества! Ответите!
ИРИНА ПЕТРОВНА. Что вы несёте!?
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Он — сумасшедший. Его место в больнице! Приедет доктор, подпишем бумаги.
КОСТЯ. Слышите! Она — мрак! Она — зло!
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Заговорил! Надо подписать бумаги! А вам советую не мешать, поняли! А если будете мешать, лезть, я на вас найду управу! Посажу всех! Всех!
КОСТЯ. Она... она восстала из ада! Она — концентрация зла! Понимаете! Такое бывает. Есть обычные, простые люди, а бывают такие, которые всем и всегда гадят.
ДЯДЯ ПЕТЯ. Так он прав!
ИРИНА ПЕТРОВНА. Помолчи.
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. И если вы двое хоть слово скажете, хоть что-то тут будете вякать, я вас упеку! Не лезьте!

Слышатся шаги.

КОСТЯ. Она хочет одного — отнять квартиру, упрятать меня в больницу!
ДЯДЯ ПЕТЯ. Конечно.
ИРИНА ПЕТРОВНА. Помолчи (*дяде Пете*).
ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Он больной, он опасный. Его надо изолировать. Не приближайтесь к нему!

ДЯДЯ ПЕТЯ. Она сама опасная!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Помолчи лучше (*дяде Пете*).

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Не советую мешать, не советую! Его надо изолировать! От нормальных людей! От всех! Надеть на него смирительную рубашку! И что там ещё! Таблетками напичкать, чтобы как овощ он там был. Зачем вас всех плодят таких, всех вас!? Всех, которые только мельтешат под ногами, только мешают жить.

ДЯДЯ ПЕТЯ. Она сама сошла с ума.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Помолчи, Петя.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Только хочешь что-то сделать, нет, мешают. Они мешают, вы мешаєте, жить мешаєте. Тебе Костя никто не поможет. Ты не знаешь моих связей. А вы все не связывайтесь со мной! Хуже будет! Сейчас приедут ребята - и всё будет шито-крыто.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Петя, о чём она говорит?

ДЯДЯ ПЕТЯ. Она бредит.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Какой страшный она человек!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Нет! Теперь всё! Маски сброшены! Зло - так зло! Получите!

В квартиру вбегает Даша.

МАРИНА. Ещё одна!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. И эта явилась!

КОСТЯ. Даша!

ДАША. Послушайте! Все послушайте!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Тоже сумасшедшая.

ДАША. Нет! Костя, я думала, что тебя уже давно нет, что ты умер! Понимаешь! Я уехала в Германию, жизнь закрутила, а потом пошёл слух о тебе, и я так и думала. А тут узнала, оказывается, ты жив, ты в больнице. И я полетела сюда. Полетела, ещё толком ничего не зная. Сначала в больницу...

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Она бредит.

МАРИНА. Сумасшедшая.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Снимай её.

ДАША. Потом сюда. И тебя нигде не было. Но когда я сюда полетела, я подняла всех знакомых, а у меня их много. Я всем звонила, говорила твою фамилию и просила хоть что-то узнать о тебе. И пока я летела сюда, пока я ездила по городу, пока мы с дядей Петей тебя искали, мне стали присылать что-то о тебе. И слушайте все: Костя, у тебя нет шизофрении, нет слабоумия! И ты не инвалид! Всё придумали, всё подтасовали, чтобы отнять у тебя квартиру! А когда не получилось, то спасали свою шкуру! И легче было тебя залечить!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Да ты лжёшь, девка! Ты лгунья! Провокация, клевета!

МАРИНА. Конечно клевета!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Не снимай. Хватит (*Марине*). Клевета! Придумала! Ты придумала всё!

Даша достаёт свой телефон и начинает читать.

ДАША. Кравченко Семён Петрович, Изотова Ольга Валерьевна, Сидорова Тамара Петровна, Глазова Елена Дмитриевна, Кузнецов Сергей Петрович... Продолжать!?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Что?

ДАША. Это фамилии тех, кто умер, был упрятан в больницы, залечен и квартиры которых оказались в ваших руках и были проданы.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. У тебя нет доказательств!

МАРИНА. Лена!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ты не докажешь!

МАРИНА. Лена!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ты не посмеешь!

ДАША. Как вас там? Елена Николаевна Типунова? А не я буду заниматься. Не я! Завтра на вас уже будет заведено уголовное дело.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Да ты что несёшь!?

ДАША. И можете не звонить вашим покровителям! Не помогут!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Ты о чём!?

ДАША. Трушев, Портников, Шунтин и кто там ещё... Знаете их? Вот на них, на всех тоже завтра, уже завтра утром... Всё, что надо, уже в руках нужных людей.

Даша смотрит на часы.

ДАША. Уже через несколько часов будут заведены уголовные дела. Вашему чёрному делу пришёл конец!

МАРИНА. Лен, это что?

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Не понимаю. Всё же было как надо. Всегда.

ДАША. Убирайтесь! Дядя Петя! Помогите!

ДЯДЯ ПЕТЯ. Кошёлки, шли бы вы!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Именно! Ведь все всё знали про ваши делишки!

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Уберите руки. Не приближайтесь!

Елена Николаевна и Марина отступают к двери.

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Марина, надо звонить Байдукову. Надо у него срочно узнать.

ДАША. Про Байдукова забыла. Скажите и ему приготовиться. Убирайтесь! Ваше время кончилось.

МАРИНА. Лен, Лен! Это что!?! Я не верю. Это всё. Нас...

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА. Она всё врёт. Всё решим! А вас всех! Вас всех! Чтоб вы провалились!

Елена Николаевна и Марина уходят. Костя растерянно смотрит на всё происходящее.

ДЯДЯ ПЕТЯ. О дела!

ИРИНА ПЕТРОВНА. Ну и ночка!

ДЯДЯ ПЕТЯ. Зато всё обошлось.

ИРИНА ПЕТРОВНА. Смотри на Костю! (дяде Пете)

ДЯДЯ ПЕТЯ. А ты на Дашу. Может, у них любовь.

Даша пристально смотрит на Костю.

ДАША. Костя!

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Даша одна в комнате. Рядом с ней коробка с пиццей. В руках у неё кусок пиццы. Она его ест.

ДАША. Знаешь, я не думала, что пицца может быть такой вкусной.

Слышится голос Кости, но его самого не видно.

КОСТЯ. Ещё как может. Особенно, если её очень долго не есть.

ДАША. Слушай, а я её, и правда, давно не ела. Как-то не получалось.

КОСТЯ. А я тем более.

ДАША. Хотя, когда я недавно была в Неаполе, я ела пиццу. Но, слушай, вот эта вкуснее всех.

Появляется Костя. У него в руках тарелка с бутербродами и заварной чайник. Он всё ставит на стол, и уходит опять. Возвращается с чашками.

ДАША. Я целый день голодная. Я поехала сюда, потом в больницу, потом опять сюда, потом ты куда-то пропал. Как-то всё быстро.

КОСТЯ. Возможно. А недавно мне казалось, что вообще всё идёт очень медленно.

ДАША. Эти тётки больше ничего тебе не сделают. У меня есть друзья. Они помогут. Как-то странно здесь мне находиться. Как будто и не было столько лет, и как будто я не уезжала отсюда в Германию, и как будто мне всего шестнадцать. А помнишь десятый класс? Я сейчас посмотрела на всё вокруг и вспомнила. Был твой день рождения, и нас человек пять или шесть было. Твои родители куда-то ушли. Ребята вели какие-то глупые разговоры. А потом я замешкалась, а все как-то ушли. И мы остались вдвоём. А ты мне говоришь...

КОСТЯ. Хочешь пиццу?

ДАША. А ты мне говоришь: «Хочешь пиццу?». А я тебе отвечаю: «Хочу». И сколько лет прошло. На столе лежала большая коробка и несколько кусочков холодной пиццы. И комната та же. И мы. И как будто и пицца оттуда, из детства. И как хочется вернуться туда, где казалось, что ты был счастлив, или ты был счастлив! А ведь так мало надо для счастья! Ведь правда? Всего лишь комната, немного пиццы на столе и...

Даша замолкает и молчит.

КОСТЯ. Что?

ДАША. И ты...

КОСТЯ. Бери. Ешь.

ДАША. А потом пришли твои родители. И я застеснялась. А потом, потом, потом. Что было потом? И зачем это всё было?

КОСТЯ. А я до сих пор люблю... бутерброды. Сегодня ночью мне так их захотелось, бутербродов и пиццы. Я пока лежал в больнице, то часто, особенно по ночам, о них думал. Иногда я думал, что это неправильно так думать.

ДАША. А о другом, кроме еды, ты там думал?

КОСТЯ. А там только и остаётся что думать. Обо всём думал. Обо всех думал.

ДАША. Правда?

КОСТЯ. А еда... Я решил, что я всё равно псих, и мне положено так думать.

ДАША. Ты не псих.

КОСТЯ. А психом быть лучше.

ДАША. Ты не псих! Ты нормальный!

КОСТЯ. Кто его знает. Нормальные люди крадут и убивают, ломают жизни и судьбы другим, устраивают войны. Уж лучше быть психом. Псих иногда может позволить себе больше, чем нормальный. Психи намного свободнее всех остальных.

ДАША. Пока такого психа не посадят в больницу.

КОСТЯ. Пока не посадят.

ДАША. В каком странном мире мы живём. Почему нельзя жить как-то проще, жить без насилия, войн, всей этой жестокости?

КОСТЯ. Я тоже об этом думаю.

ДАША. А войны... Войны начинают как раз психи, сумасшедшие. Люди не могут, нормальные, такие как мы, начинать эти войны.

КОСТЯ. Войны начинают нормальные.

ДАША. Да нет же.

КОСТЯ. И только потом этих нормальных называют психами.

ДАША. А жизнь? Почему они все не дают нам просто жить? Просто любить?

КОСТЯ. Ешь. Просто ешь.

ДАША. Они все ненормальные. А ты... Нет, ты хороший. Я помню твои стихи, помню, как ты их читал в школе. Я всегда себе казалась страшной и некрасивой. А ты читаешь свои стихи. Свои. И они были замечательные.

КОСТЯ. Они были плохие.

ДАША. Нет, замечательные!

КОСТЯ. И никому они не понравились, а я переживал.

ДАША. А в классе ты сидел наискосок от меня. А я посматривала на тебя, и мне ты казался таким поэтичным.

КОСТЯ. В нестиранной одежде и с невымытыми волосами.

ДАША. Это же не главное. Я же готова была быть твоей. Ты же помнишь? Ты же помнишь всё? А ты... Ты... Какой же ты... А потом?..

КОСТЯ. Да.

ДАША. Я тебя любила. А потом... Всегда есть это «потом».

КОСТЯ. Наверное.

ДАША. А знаешь, я всегда о тебе думала потом.

КОСТЯ. Хочешь, я ещё сделаю бутерброды?

ДАША. Несмотря ни на что, как же приятно вспоминать! Мне всегда казалось, что я очень некрасивая, даже страшная.

КОСТЯ. Нет. Нет.

ДАША. Тогда в школе кто-то что-то скажет, до меня долетят какие-то фразы, и мне кажется, что это меня обсуждают, что они говорят, какая я неуклюжая, прыщавая.

КОСТЯ. Ты ещё не слышала о моих переживаниях.

ДАША. А тут ты. Твои стихи. Да, стихи. В той тетрадке я их читала. А как-то на вечеру ты читал. А тут у тебя была большая библиотека раньше. Я помню: весь Чехов, Толстой, энциклопедии.

КОСТЯ. Продали практически всё, всю библиотеку. Деньги были нужны.

ДАША. И мне казалось, что ты такой умный, так много знаешь. А что я? Я же ничего не знаю. Ничего! А в этой тетрадке было стихотворение о Кате. И не одно стихотворение о ней. А обо мне ничего не было.

КОСТЯ. Было о Кате.

ДАША. А как-то мы всем классом пошли в театр. Был ноябрь, такой холодный. Снега ещё не было, и лил дождь. Спектакль уже не помню.

КОСТЯ. «Мой бедный Марат».

ДАША. Вроде. И мы идём под этим дождем. Вся шапка у меня мокрая, а ты без шапки идёшь. Машины идут по бульвару и освещают нас фарами, поздний вечер, льёт холодный дождь, и я периодически смотрю на тебя, на твое лицо и всё думаю, думаю. А ты смотришь в сторону. Но в одно мгновение я вижу твои глаза. И мне кажется, что я уже всё знаю. А потом... А потом я тебе писала письма. И не подписывала, а просто клала тебе в карман куртки. А на следующей день я украдкой смотрела на тебя, а ты - на меня. Как мало нужно

было. Всего лишь ждать — напишешь или нет. Ты же знал, что это я пишу? Догадывался? А ты мечтал о Кате, а не обо мне. Я лишь была рядом. А потом...

КОСТЯ. Потом ты уехала.

ДАША. Так ты и не ответил. А потом я устала быть глупой девочкой и уехала завоевывать мир.

КОСТЯ. И как?

ДАША. Я стала другой. Хотя...

Молчание.

ДАША. Я слышала или читала, что все люди о чём-то мечтают. Буквально все. Нет таких людей, которые ни о чём не мечтают.

КОСТЯ. Думаешь?

ДАША. Да. И представляешь, я ни о чём не мечтаю. Может, врут все эти научно-популярные статьи.

КОСТЯ. Может, и врут.

ДАША. Ни о чём не мечтаю, и какая-то большая пустота внутри, как пропасть, которая тебя поглощает и... А ты мечтаешь?

КОСТЯ. Не особо. Раньше мечтал. День назад мечтал. Съесть пиццу мечтал. О бутербродах мечтал. Знаешь, мне так хотелось все эти годы в больнице съесть пиццу, и чтобы запах был, чтобы она была горячей, свежей. Я бредил этим запахом, он мне чудился. Я мечтал о пицце, о её вкусе, о её запахе. Она была для меня как символ чего-то давно ушедшего.

ДАША. А сейчас.

КОСТЯ. Не знаю.

ДАША. Ну хоть одна мечта?

Костя думает.

ДАША. Ни одной? Как у меня...

КОСТЯ. Есть.

ДАША. Правда? Что? Можешь сказать?

КОСТЯ. Глупая мечта.

ДАША. Глупая?

КОСТЯ. Да.

ДАША. Какая?

КОСТЯ. Вот давно уже я подумал. Не подумал, а как-то мне захотелось. Вот просто очень остро захотелось.

ДАША. Что захотелось?

КОСТЯ. Уехать в другой город. Вот взять и уехать, например в Париж.

ДАША. В Париж?

КОСТЯ. Да. Или в Нью-Йорк. Уехать туда и поселиться где-нибудь под крышей, так, чтобы из окна были видны другие крыши, дома, и жить там, ходить по улицам, смотреть... Но это не всё. Мне хотелось быть в этом городе одному, чтобы никто не звонил мне и не писал, и я ни с кем не общался. Только я и этот город. И почему-то Нью-Йорк или Париж. Странно. Может, это такой уход от действительности. Не замечала такой вещи?

ДАША. Какой?

КОСТЯ. Ты едешь в поезде или машине и проносишься мимо городов и городков. Там, в этих городах и городках, живут люди со своим укладом, своими отношениями, горем, счастьем, бедами и проблемами. И вроде ты тут, рядом с этими людьми — совсем недалеко. Тебя отделяют от этих людей считанные метры или десятки метров. А на самом деле между

ними и тобой пропасть. Ты уносишься в свой мир, а они остаются в своём мире. Ты лишь зритель, временный зритель. Так и с Парижем или Нью-Йорком. Ты селишься в этом городе и вроде ты там, а на самом деле нет. Ты лишь наблюдатель. Ты сам по себе, а тот город сам по себе. А может, ты и здесь тоже всего лишь такой временный наблюдатель.

ДАША. Я живу в Берлине.

КОСТЯ. Я слышал.

ДАША. Берлин сам по себе, и я сама...

КОСТЯ. Что?

ДАША. Да так. Я замечала, как люди бегут от реальности. Вот в те же мечты. Ты видел хоть одного человека, который был бы счастлив и доволен? Многие готовы придумывать что угодно, лишь бы убежать от реальности или от себя. Кто-то путешествует, кто-то ходит по театрам и гостям. Кто-то делает проще - придумывает себе иллюзорный мир и накладывает его на настоящий.

КОСТЯ. Это как?

ДАША. Это когда у тебя плохой муж, который и пьёт, и гуляет, и тебя вообще не понимает. А ты берёшь и, как дура, придумываешь, что у него огромный внутренний мир и в душе он... в душе он хороший. И самое главное, потом и сама начинаешь верить. И я... Я тоже.. В общем, я тоже верила... одному такому.

Оба молчат.

КОСТЯ. Знаешь, когда я лежал в больнице, то мне казалось, что за её стенами что-то очень хорошее, грандиозное, прекрасное. А сейчас, этой ночью, когда я ходил по улицам, ходил по району, мимо этих домов... Кстати, ты не замечала, что дома могут быть очень скучными?

ДАША. Объясни.

КОСТЯ. Не знаю, как сказать. Я иду по улице, и вижу один дом, и мне кажется, что это нормальный дом, хороший дом. А на следующий дом смотрю и думаю, что какой же он скучный. И как могут в нём жить люди?! Как могут жить люди в своих скучных домах?!

ДАША. А какой дом скучный?

КОСТЯ. А я не знаю. Это как-то само приходит. Этот дом скучный и всё.

ДАША. А твой дом?

КОСТЯ. Я здесь живу с детства, я не знаю, какой он. И здесь, рядом с домом, растут берёзы. Когда я был маленьким, они были маленькими. Потом я рос, и они росли. Я скучал по ним. Но сколько вокруг скучных домов!

ДАША. И таких же скучных людей. Может, ты и прав — люди всю свою жизнь живут в этих скучных домах. Скучные дома — скучные жизни.

КОСТЯ. Сделать ещё бутерброды?

ДАША. Нет, не хочу.

КОСТЯ. А бывает, мечта умирает — уходит. И что тогда остаётся в жизни? Ничего... Пустота...

Даша пристально смотрит на Костю.

ДАША. А глаза у тебя такие же. Не отворачивайся.

КОСТЯ. Я не люблю, когда на меня смотрят.

ДАША. А я помнила твои глаза. Мне рассказывали о Кате, о тебе. А потом, как удар, один сказал, а потом ещё кто-то, что тебя зарезали.

КОСТЯ. Зарезали?!

ДАША. Не помню, но что-то мрачное. А я поверила. Я не знаю, почему. Мне бы узнать, приехать, расспросить. А я как-то сразу смирилась, свыклась и просто жила

воспоминаниями. Жила в своём или чужом Берлине и думала о том, чего не вернуть. Думала о том, что могло бы быть... Какая же я дура, что была такой! Знаешь, ведь в Берлин мы поехали ненадолго - сначала на несколько месяцев, потом как-то там и остались. Я сюда приезжала по делам тогда, но мне что-то мешало, может, гордость, позвонить, приехать к тебе. А потом жизнь закрутила. Вышла замуж, развелась, детей не родила. А сейчас у меня свой бизнес, фотосъемки, реклама, записи, куча людей, беготня, суета, недвижимость. И всё это вертится, крутится целый день. А ночи. А ночью тишина и пустота. Послушай! А тут кто-то из знакомых, наших общих... Скворцов. Помнишь его? Как-то пересеклись. И он так буднично говорит о тебе как о живом. Я удивилась. А он продолжает и говорит, что ты в больнице, какие-то подробности: псих, больной, шизофреник, инвалид. А меня как ударило. Получается, что я сама почему-то решила, сама почему-то себя поместила, ну, как ты говоришь, в какую-то комнату посреди чужого города. А мне нужно быть здесь, знать о тебе, быть рядом с тобой. И я приехала. Нет! Молчи! Я хочу сказать! У меня есть много денег, очень много денег! Ты ни в чём не будешь нуждаться! Ты поедешь со мной! Хочешь - в Берлин, хочешь - во Францию, хочешь - в Америку. У меня много связей. Ты будешь заниматься любимым делом. Ты будешь рядом со мной. Тебя узнает весь мир! Всё плохое останется в прошлом! Всё... И... Скворцов. Ты его помнишь?

КОСТЯ. Помню.

ДАША. Так вот, когда он сказал о тебе, что ты жив... Со мной такого не было раньше. Меня вдруг... Я поняла, что такое любовь. Я вдруг поняла, что люблю только тебя, слышишь!?

Даша смотрит на Костю, потом отворачивается и плачет. Костя сидит и молчит. Потом встаёт и уходит.

КОСТЯ. Может, ещё хочешь бутербродов? Или чай подогреть?

ДАША. Нет... Спасибо.

КОСТЯ. Как хочешь.

ДАША. Ты не забыл её. А я думала... Я надеялась. Какая же я дура!

КОСТЯ. Ты не дура.

ДАША. Уже утро. Поеду я обратно. Ты мечтал о пище, а я мечтала о тебе. Для тебя было одно несбыточным, а для меня...

Даша встаёт и одевается.

ДАША. Холодно у вас - не Берлин. Тёте Ире, дяде Пете передай привет. Рано, я не хочу их будить. И у них есть мой телефон, почта. Я им оставила. Позвони или напиши. Может, помощь какая будет нужна от меня. Ладно? Хорошо?

КОСТЯ. Да, хорошо. Может, пока останешься?

ДАША. Нет. Уже пора. Один мой день слишком дорого стоит, чтобы оставаться. Потом.

Даша уходит. В дверях её окликают Костя.

КОСТЯ. Даша!

Даша оборачивается и смотрит на Костю.

ДАША. Да.

КОСТЯ. Послушай! Что ты хочешь от меня? Посмотри на меня - по ночам я ем бутерброды и пищу, я толстый, неуклюжий и большой неудачник. Меня давно приучили к тому, что я инвалид и шизофреник. У меня нет будущего, да и прошлого тоже. Я не знаю, что делать и

как жить. А тут появляешься ты. Ну зачем я тебе нужен? Это же неправда. Это же глупость. Так не бывает. Так не может быть.

ДАША. А если может! А если может один человек пролететь половину земного шара ради другого! А если может!

КОСТЯ. Нет, прости.

ДАША. А если всё правда! А если всё это правда! А если надо только поверить! Костя!

КОСТЯ. Нет.

ДАША. Почему!?

КОСТЯ. Я, понимаешь... Я люблю Катю.

ДАША. Катю?

КОСТЯ. Да. До сих пор.

ДАША. Ясно. Я хотя бы не зря приехала. Может, от тебя отстанут.

КОСТЯ. Спасибо тебе.

ДАША. Не надо. Пока.

КОСТЯ. Пока.

Даша уходит. Костя садится и доедает пиццу, бутерброд.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Костя лежит на кровати и бормочет себе под нос.

КОСТЯ. И нету никакого счастья... И нету никакого счастья... И не бывает никакого счастья...

В квартиру входит разносчик пиццы. В руках у него коробка пиццы.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Привет! Это я опять. Странная ночь или уже утро. Давно такой не было. Люди по ночам спят. А некоторые не спят.

КОСТЯ. Ты?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Ага. Я.

КОСТЯ. А зачем? Пришло время встретиться?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Пришло. Я пиццу принёс. Заказ. Номер квартиры верный. Всё оплачено. Четыре сыра. Большая.

КОСТЯ. Я не заказывал.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не знаю. Заказ поступил. Некая Дарья.

КОСТЯ. Даша?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Пускай Даша. Заказ. Привезти пиццу. Оплачена. Получай.

КОСТЯ. А зачем?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Не знаю. Я привёз. Ты забирай.

Разносчик пиццы кладёт пиццу и хочет уйти.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Если что? Если ещё нужна пицца, то заказывай. Я до утра работаю сегодня.

КОСТЯ. Послушай, а может быть так, что человек сам всё портит.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Может.

КОСТЯ. Что счастье пришло, а он его не пустил.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А так всегда бывает. Я тебе как философ философу говорю.

КОСТЯ. Она пришла и призналась мне в любви.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Бывает. А ты?

КОСТЯ. А я сказал, что люблю другую.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Правда?

КОСТЯ. Нет.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А зачем так сказал?

КОСТЯ. Знаешь, а ведь если что-то и согревало меня всё это время, то память о Даше. Глупо.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Почему? Так бывает.

КОСТЯ. А я и мечтать о ней не мог. Я думал, что она уже замужем давно, что она там, в Германии, богато и счастливо живёт. Я и думать не мог. Посмотри.

Костя подходит к столу и достаёт письма.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Что это?

КОСТЯ. Это письма Даши. Я хранил их. Нет, я даже знал их наизусть. Это была как память о чем-то очень чистом и несбывшемся. А тут она появляется и говорит, говорит и говорит, что любит меня и всегда меня любила.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Так ты её любишь или другую любишь?

КОСТЯ. Раньше я мучался. Но этой ночью у меня было такое чувство свободы, как будто какой-то груз свалился. Ещё вечером я хотел выпрыгнуть из окна, покончить с собой. Мне казалось, что я один во всем мире и что если я и любил кого, то Катю.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А потом?

КОСТЯ. А потом я её забыл, эту Катю забыл. Я бродил по улицам и как будто ничего не было этого. А потом пришла Даша и сказала то, что я хотел слышать, что я всегда ждал, что мне было нужно.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Но всё произошло слишком быстро, и ты просто ничего не осознал. Бывает. И ты думаешь о своих обидах и о том, что любовь — это обман.

КОСТЯ. А я устал обманываться. И я как будто умер.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Разверзлась пропасть, и ты в неё провалился.

КОСТЯ. Именно. И как быть, не знаю.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Так ты её любишь, эту Дашу?

КОСТЯ. Да.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Уверен?

КОСТЯ. Со школы. Она говорила, что она страшная, а мне она казалась всегда самой умной и красивой. Только я был дурак и ничего не понимал.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Так скажи ей сам об этом.

КОСТЯ. Как?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Найди, позвони, встречу... Что угодно.

КОСТЯ. Она уехала.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Что-то мне подсказывает, что нет. На улице стоит машина, и там сидит очень красивая женщина и явно плачет.

КОСТЯ. Плачет?

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А ты что хотел?! Иди, спасай. А у меня дела.

Костя отталкивает разносчика пиццы и выбегает из квартиры.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. Странная сегодня ночка, или мне всегда на такое везёт. Интересно,

а ведь машина там не стоит, и женщины красивой там нет. Но зато сколько счастья было в его глазах! И сколько потом будет несчастья, если он её не найдёт! Уходим отсюда. И кто меня за язык тянет каждый раз!

Разносчик пиццы уходит, но останавливается.

РАЗНОСЧИК ПИЦЦЫ. А если бы она вернулась, то он бы был опять счастлив. Как мало надо людям, всего-то...

Разносчик пиццы уходит и притворяет за собой дверь.

Затемнение.

Пустая квартира. Дверь прикрыта. В квартиру входит Даша. Она оглядывается. Никого в квартире нет. Даша снимает куртку. Открывает стоящую на столе коробку с пиццей

ДАША. Как всегда, пусто и никого. Может, приходит такой возраст, когда ты устаёшь от нормальных поступков и начинаешь делать ненормальные, например есть пиццу по ночам и ни о чём другом не думать. Вопрос только, где этот Костя опять ходит? И что я ему скажу, когда он вернётся? Может, мне уйти!?

Даша подходит к столу и берёт в руки письма.

ДАША. А он их хранил, мои письма.

В дверях появляется Костя. Он, запыхавшийся, заходит в квартиру и видит Дашу и от удивления ничего не может сказать.

ДАША. Хочешь пиццу? Не хочешь? Странно.

КОСТЯ. Ты?

ДАША. Станный вопрос.

КОСТЯ. Ты уехала. И зачем эта пицца?

ДАША. Ты её разлюбил?

КОСТЯ. Кого?

ДАША. Чего, а не кого. Пиццу?

КОСТЯ. Нет.

ДАША. Тогда ешь. Приготовь чай, кофе, что хочешь.

КОСТЯ. А ты?

ДАША. А что я? Я решила, что кто-то едет в Париж или Нью-Йорк и снимает там комнату под крышей, а мне пришлось время приехать сюда и тоже снять где-то квартирку повыше, и пожить так, как ты говорил, — город сам по себе, а я сама по себе. Разве плохая идея?

КОСТЯ. Нет.

ДАША. Что, плохая?

КОСТЯ. Даша...

ДАША. А я думаю, что неплохая. И пусть этот бизнес побудет без меня. Так хочется просто быть самой собой. Как думаешь?

КОСТЯ. Даша, я был...

ДАША. И быть просто дурой, просто дурой, никакой не умной и не красивой... И ведь это тоже хорошо, как думаешь? Ешь пиццу, давай.

КОСТЯ. Понимаешь...

ДАША. А потому всё, что мы слишком умные. Я тут подумала, что я всегда была какой-то правильной, какой-то слишком нормальной. А надо быть душой, надо делать то, что хочешь, и не думать о том, как тебя примут, как поймут, как оценят. Зато ты не будешь потом жалеть. Лучше быть душой, полной душой.

КОСТЯ. Ты не дура. И никакую Катю я не люблю. Никого кроме... В общем...И если было что-то в жизни у меня хорошее, то это только ты... Я это никому не говорил. Спроси меня.

ДАША. Что?

КОСТЯ. Что такое любовь. Спроси меня, пожалуйста!

ДАША. Хорошо. Что такое любовь?

КОСТЯ. Это когда ты можешь тому, кого ты любишь, рассказать всё о себе, не таясь... все тайны. Если ты можешь всё рассказать о себе, то это значит, что ты любишь. Тебе я рассказал бы всё, и никому другому.

ДАША. А если потом ты пожалеешь?

КОСТЯ. Если это любовь, то не пожалею. Я хочу тебе всё-всё рассказать прямо сейчас.

ДАША. Прямо сейчас?! Смешной ты, Костя. Как я по тебе скучала! Как мне надоела эта философия, эти всякие мудрости! Да ты сам ничего не знаешь о себе. Ешь пиццу. Нет, лучше подогрей чай. Нет... Иди просто ко мне...

Звучит музыка. Звучит песня Ирины Богушевой «Добро пожаловать домой»

Дом – это там, где всегда нас ждут,
Это те, кто всегда нас ждут,
Даже если вдруг наш маршрут
Слишком крут и запутан.
Будь навсегда в моей жизни, будь,
Я с тобой разделю твой путь,
Я теперь не хочу терять
Ни одной минуты.

Входи,
Пусть не ждала и не гадала о тебе,
Вся жизнь моя была как соткана из бед,
Но так тепло теперь с тобой.
Входи,
Наверно, ангелы всё видели с небес
И проложили этот путь в твоей судьбе.
Добро пожаловать домой.

Знай, кто бы что ни наворожил,
Не может счастье стоять на лжи,
Я стану снова учиться жить,
А боль обид позабуду.

Дом – это там, где не предадут,
Будь, пожалуйста, рядом, будь.
И тогда я смогу вдохнуть
Воздух чуда.

Входи,
Пусть не ждала и не гадала о тебе,
Вся жизнь моя была как соткана из бед,
Но так тепло теперь с тобой.

Входи,
Наверно, ангелы всё видели с небес
И проложили этот путь в твоей судьбе.
Добро пожаловать домой.
Добро пожаловать домой.

Снег, так красиво ложится снег,
И с нами всё это, как во сне,
Суждено быть моей весне
Среди зимы почему-то.

Будь навсегда в моей жизни, будь,
Я с тобой разделю твой путь,
Я теперь не хочу терять
Ни одной минуты.

Входи,
Наверно, ангелы всё видели с небес
И проложили этот путь в твоей судьбе.
Добро пожаловать домой.
Добро пожаловать домой.

Свет постепенно гаснет.

В пьесе использовано:

Фёдор Сваровский «Маша» (отрывок стихотворения)

Ирина Богушевская «Сандаловый пепел» (песня)

Ирина Богушевская «Добро пожаловать домой» (песня)

Андрей Беляев «Задумавшись, мы часто смотрим в ночь» (стихотворение)

Андрей Беляев «Там, где ветер украл тишину» (стихотворение)

Андрей Беляев «Чтобы стать дождями пышному туману» (стихотворение)

Андрей Беляев «Вышла из облака первая звёздочка» (стихотворение)

3 октября 2020 г. - 15 июля 2022 г.

г. Москва

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Путь от начала создания пьесы до окончания работы над ней может занимать годы. Работа над этой пьесой началась еще задолго до того, как я написал первые строчки. Был январь 2019-го года и я поехал на край Москвы на поэтический вечер, где среди многих стихотворений услышал стихотворение Фёдора Сваровского «Маша». Мои спутники не дождались окончания поэтического вечера и разошлись, да и не впечатлило их многое из услышанного. А я слушал стихотворение в исполнении актёра Станислава Беляева, и что-то во мне уже начинало рождаться. Простые строчки, простые слова, простая история. И что можно придумать из этого? Но мне понравилось и актёрское исполнение, и сами стихи с их таким простым посылом ко всем людям. И около двух лет у меня в голове крутились мысли, и я вспоминал и тот поэтический вечер, и эти строчки. А потом мне попала книжечка стихов смоленского поэта Андрея Беляева, и я уже начал писать эту пьесу.

Но ещё раньше 2019-го года была музыка, песни Ирины Богусhevской. И мне всегда казалось, что это та музыка и те песни, под которые хочется писать и что-то творить. И, конечно, без поэзии и замечательной музыки не было бы этой пьесы. Спасибо всем этим замечательным людям!

Эта пьеса об очень простом и так нужном всем людям — о счастье. Мы часто задумываемся о счастье и говорим о нём, но часто даже не понимаем, что это такое. Быть может, счастье — это просто и незатейливо жить без войн, без болезней, мирно и спокойно. Быть может, счастье - это делать то, что ты хочешь делать, и заниматься любимым делом, и приносить людям пользу, и делать какие-то хорошие дела. И так хочется, чтобы не было насилия, злобы, жестокости. Так хочется, чтобы это всё плохое ушло в небытие. А в будущем мне хочется, чтобы для всех хороших и добрых людей наступило счастье. Поэтому и пьесу я назвал так. Пусть оно наступит — счастье.

Я думаю, что эту пьесу ждёт что-то хорошее. Я думаю, что её будут ставить. Этого очень хочется. А эти три пиццы, которые будут есть актёры за счёт театра и зрителей... Ну и они - элементы счастья, символ дома, тепла, спокойствия, солнца... И если пьесу будут играть, то, уважаемые актёры, пожалуйста, скажите автору спасибо за то, что он придумал эти пиццы для вас, и ешьте их, вспоминая добрым словом автора.